ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

орган министерства культуры СССР и центрального комитета профессионального союза работников культуры

Советская культура

№ 24 (2139)

1967 год СУББОТА, 25 ФЕВРАЛЯ

Цена 3 коп.

ПИСАТЕЛИ—ГЕРОИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

За выдающиеся заслуги в развитии советской культуры, создание художественных произведений социалистического реализма, получивших общенародное признание и активно способствующих коммунистическому воспитанию трудящихся, за плодотворную общественную деятельность Указами Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» писателям: М. А. Шолохову, К. А. Федину, А. Е. Корнейчуку, Л. М. Леонову, М. Турсун-заде, П. Г. Тычине и А. М. Упиту.

(ТАСС).

Награды Родины

За активное участие в успешном выполнении семилетнего плана и многолетнюю плодотворную работу в культурно-просветительных учреждениях страны Президиум Верховного Совета СССР Указом от 22 февраля 1967 года наградил орденами и медалями СССР 1.624 работника культурно-просветительных учреждений.

Орденом Ленина награждено 27 человек, орденом Трудового Красного Знамени — 223, орденом «Знак Почета» — 408, медалью «За трудовую доблесть» — 500 и медалью «За трудовое отличие» — 466 человек.

Указ публикуется в «Ведомостях Верховного Совета СССР» и местной печати.

ЛАУРЕАТЫ КАЗАХСТАНА

Совет Министров Казахской ССР утвердил решение комиссии по присуждению Государственных премий Казахской ССР в области литературы и искусства.

Премии имени Абая присуждены писателям Тахави Ахтанову за повесть «Исповедь степи» («Буран») и Хамзе Есенжанову за роман-трилогию «Яик — светлая река», книги I, II, III.

Премия имени Курмангазы присуждена народной артистке Казахской ССР Бибигуль Тулегеновой за концертно-исполнительскую деятельность (программы 1963—1965 гг.).

Премия имени Кулаш Байсеитовой присуждена за спектакль «Материнское поле» Казахского академического театра драмы имени М. Ауэзова режиссеру Азербайжану Мамбетову, художнику Анатолию Ивановичу Ненашеву, артистке Сабире Майкановой и артистке Фариде Шариповой за исполнение роли Толгонай, артистке Бикеш Римовой — за исполнение роли Жераны.

Премия имени Кулаш Байсеитовой присуждена также за кинофильм «Сказ о матери» Киностудии «Казахфильм» артистке Амине Умурзаковой за исполнение роли матери, режиссеру-постановщику Александру Яковлевичу Карпову и главному оператору Асхату Ашрапову.

Премия имени Ч. Валиханова присуждена народному художнику Казахской ССР Абылхану Кастееву за серию акварелей «На земле Казахстанской» (25 акварельных листков).

Деятелям литературы и искусства, удостоенным Государственной премии Казахской ССР, присваивается звание «Лауреат Государственной премии Казахской ССР» с вручением почетного знака и диплома.

(ТАСС).

Своему земляку—К. А. Федину

Кому, как не нам, коммунистам-писателям из родного города Саратова на Волге, надлежит сказать теплые слова своему земляку, щедро награжденному литературным дарованием, руководителю Союза писателей СССР, депутату Верховного Совета СССР.

Еще пять лет назад, в день рождения Константина Александровича, его земляки в своем приветствии писали:

«Мы, члены КПСС, кому выпала великая честь быть в числе участников завоевания Советской власти в Саратове, с чувством особой признательности за создание больших литературных произведений о революционной борьбе саратовцев — поздравляем вас, дорогой Константин Александрович, талантливейшего писателя нашей страны. Желаем от чистого сердца вам здоровья и счастья в жизни и еще больших творческих успехов на благо великого народа и нашей ленинской Коммунистической партии».

Сейчас, в день 75-летия и присвоения звания Героя Социалистического Труда К. А. Федину, саратовские писатели и коммунисты с гордостью говорят: «Дорогой наш друг и товарищ Константин Александрович, живите, творите и здравствуйте до полного столетия, как могучие волжские богатыри».

Борис БАРКОВ, драматург.

СОФИ ИГРАЕТ ЛОРЕН

ПАРИЖ. (Соб. инф.).

Известная итальянская киноактриса Софи Лорен в начале марта начнет сниматься в документальном фильме, в котором ей почти по традиции отведена главная роль. Впрочем, ни одна другая актриса не могла бы быть приглашена на роль героини в этой картине: ведь фильм называется «Жизнь Софи Лорен».

ЗАКОНЧИЛСЯ «ФЕСТИВАЛЬ НАРОДОВ»

РИМ. (ТАСС).

На закончившемся во Флоренции VIII Международном фестивале этнографических и социологических фильмов («Фестиваль народов») специальной «премии кинокритиков» удостоен советский фильм «Последние письма», созданный режиссером М. Роммом и его коллегами Х. Стойчевым и С. Кулишом. Первую премию получил короткометражный кинофильм американского режиссера Питера Гесслера «Время сарачки», рассказывающий о героической борьбе вьетнамского народа против американской агрессии.

Лучшим этнографическим фильмом фестиваля признана работа французского режиссера И. де Гарина «Фулина», а лучшим социологическим — фильм западногерманских режиссеров Штробеля и Тичевского «Чудо Милана».

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ

Сообщения наших корреспондентов и ТАСС.

ЗА ТЫСЯЧИ МИЛЬ ОТ ЗЕМЛИ

Более двухсот избирательных участков по выборам в Верховный Совет Латвийской ССР и местные Советы находятся за тысячи миль от берегов Балтики. Они расположены на судах. Здесь же лучшие помещения выделены под клубы избирателей. В них проводятся политические и культурные мероприятия, вечерами в клубы избирателей собираются свободные от вахты рыбаки.

На плавучие базы и промысловые суда отправлена предвыборная литература, библиотечки с политическими и художественными изданиями, свежие газеты и журналы.

ЛАТВИЙСКАЯ ССР.

АГИТПОЕЗД И «МЕЛОДИЯ»

Необычный поезд приняли железнодорожники Барнаула. Вместо станций назначения на его вагонах надписи: «Навстречу 50-летию Октября». Так называется специальный поезд, организованный управлением Западносибирской дороги и всесоюзной фирмой грампластинок «Мелодия».

В составе агитпоезда—лекторы, группа Новосибирской студии кинохроники и участники студенческой художественной самодеятельности. Открыта передвижная выставка-продажа грампластинок.

БАРНАУЛ.

КЛУБ И ЕГО УЧРЕДИТЕЛИ

Четыре крупных коллектива — Ташкентский радиоламповый завод, Среднеазиатская железная дорога, Министерство строительства Узбекистана и Трамвайно-троллейбусный трест — учредили клуб агитаторов.

Секретарь Ленинского райкома партии И. Мельникова рассказала членам клуба о том, как идет в городе подготовка к юбилею Советской власти. На встречу пришли и молодые композиторы Узбекистана. Впереди предстоит вечер — «Образ В. И. Ленина в литературе и музыке».

ТАШКЕНТ.

МЕСТО ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ

Охотно посещают хлеборобы колхоза имени Кирова Березовского района Одесской области свои четыре агитклуба. Они стали местом интересных встреч колхозников. Клуб проводит тематические вечера, часто приглашает с концертами участников художественной самодеятельности.

ОДЕССА.

«НОВОСТИ ДНЯ»

Такой агитклуб открыт в городе Губахе (Пермская область). Инициаторы его создания — коммунисты ГРЭС имени Кирова.

ПЕРМЬ.

ПАНОРАМА НОВОСТЕЙ

ЧТО! ГДЕ!

В музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина открылась выставка, посвященная **40-летию археологической деятельности музея.** Представлены экспонаты — результат трудов и поисков 60 экспозиций.

В залах МОСХа (ул. Беговая, 7—9) посетители знакомятся с **произведениями московских монументалистов.** А Центральный дом работников искусств предоставил свои залы для осмотра **живописи, графики Н. Разумовской;** Дом актера им. А. А. Яблочкиной — **произведений театрального художника М. Плаховой;** Центральный дом архитектора — **отчету Костромской реставрационной мастерской.**

Выставка акварелей Б. Сергеева «По пушкинским местам. Русский пейзаж» экспонируется в выставочных залах Государственного музея А. С. Пушкина (ул. Кропоткина, 12/2).

ГЕРОЯМ АДЖИ-МУШКАЯ

Живописец из Студии военных художников им. М. Б. Грекова Николай Бут уже несколько лет воссоздает одну из славных, легендарных и малоизвестных страниц Великой Отечественной войны —

КОРОТКОЕ ИНТЕРВЬЮ

многомесячную оборону тысяч советских солдат и моряков в Аджимушкайских каменоломнях близ Керчи летом—осенью 1942 года.

— Каковы ваши новые работы этой патриотической серии? — обратился наш корреспондент к Николаю Яковлевичу.

— Прежде всего работаю над триптихом, который будет состоять из следующих частей — «Пост № 1», «Баллада о боевом знамени» и «Реквием». Написал также «Подземный госпиталь», «Аджимушкайская Алеушка», «Между этажами»...

— Когда любители изобразительного искусства могут познакомиться с вашими картинами?

— Возможно, на Всесоюзной выставке, посвященной 50-летию Великого Октября. А также в Керчи, где скоро, видимо, будет экспонироваться моя выставка аджимушкайских работ.

ДИПЛОМЫ НЕМЕЦКОЙ АКАДЕМИИ ИСКУССТВ

Кинорежиссер Михаил Ромм и писатель Константин Симонов избраны членами-корреспондентами Немецкой академии искусств. Вчера в посольстве ГДР в СССР состоялась торжественная церемония вручения им дипломов и значков.

Президент Немецкой академии искусств К. Вольф сердечно поздравил М. Ромма и К. Симонова. Советских деятелей культуры тепло поздравил также посол ГДР в СССР Х. Виттвер.

Членами-корреспондентами Немецкой академии являются также писатели М. Шолохов и К. Федин, композиторы Д. Шостакович и А. Хачатурян, артистки Г. Уланова, О. Лепешинская и другие.

Ижевск. Балетная группа Дома культуры машиностроительного завода, которой руководит Алла Александровна Штарева, организована три года назад. В ней занимаются 45 человек — представители разных профессий. Коллектив поставил фрагменты из удмуртского национального балета «Италмас» Г. Корепанова-Камского, «Лебедь» Сен-Санса, вальс из балета «Спящая красавица» Чайковского и другие.

На смотре художественной самодеятельности республики молодой коллектив получил диплом I степени и завоевал право на участие в зональном смотре в Свердловске.

НА СНИМКЕ: «Лебедь» Сен-Санса исполняет ученица 8-го класса школы № 30 Наташа Оноприенко. На республиканском смотре она получила диплом I степени.

Фото А. Брянова. (ТАСС).

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за заслуги в развитии советского искусства присвоено почетное звание народного артиста РСФСР **КОЧАРЯНУ Сурену Акимовичу** — артисту Московской государственной филармонии.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

● В «Испанском центре» — обществе испанских политэмигрантов в Москве — открылась выставка плакатов, относящихся к героической эпопее испанского народа — национально-революционной войне 1936—1939 годов против фашистских мятежников и итало-германских интервентов.

● В Братске открылся книжный магазин — один из крупнейших в Иркутской области.

● К 80-летию со дня рождения выдающегося абхазского писателя, государственного и общественного деятеля С. Я. Чанба **Сухумскому драматическому театру** присвоено его имя. Театр к этой дате подготовил спектакль-обозрение. В него вошли отрывки из произведений С. Я. Чанбы.

● Республиканская выставка народного творчества, посвященная 50-летию Советской власти, открылась в Саранске.

● В Москве в Кремлевском Дворце съездов состоялся авторский вечер лауреата Ленинской премии А. Хачатуряна. Этим концертом на самой большой сцене страны начались творческие отчеты композиторов к 50-летию Октября.

● В Красноярске открылся фестиваль сибирских телевизионных студий.

● Общественность Воронежа тепло отметила 75-летие выдающейся сказительницы Анны Николаевны Корольковой.

● В рабочий поезд, отправившийся по самой молодой в Советском Союзе железнодорожной линии **Балхаш-Саяк,** включен агитвагон.

● С большой теплотой отметила **общественность Латвии** 80-летие выдающегося художника Карла Миесниека.

Выставка, посвященная юбилею Миесниека, открыта в Государственном художественном музее.

КРАСНЫЕ ЗНАМЕНА—ЛУЧШИМ КОЛЛЕКТИВАМ

Когда рождались звуки торжественного марша, на сцену вынесли Красное знамя, весь зал встал. Под сенью почетных реликвий в этот вечер в зале Государственного академического театра имени И. Франко коллектив киевской книжной фабрики «Октябрь» праздновал свою трудовую победу во Всесоюзном социалистическом соревновании в честь 50-летия Великого Октября. Решением Комитета по печати при Совете Министров СССР и ЦК профсоюза работников культуры по итогам соревнования за четвертый квартал 1966 года предприятию присуждено переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС. Награда заслужена самоотверженным трудом коллектива, систематически перевыполняющим производственные планы и дающим продукцию отличного качества.

— Красное знамя — символ наших побед,— сказал, открывая вечер, председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР Н. А. Михайлов.— Оно развевалось над красногвардейцами, штурмовавшими Зимний в Октябре семнадцатого года. С ним наши воины громили ненавистных фашистских оккупантов в дни Великой Отечественной войны. И сегодня, в дни мирного труда, нет для нас ничего дороже и священней Красного знамени.

Вручая коллективу предприятия почетную награду, Н. А. Михайлов горячо поздравил полиграфистов с победой в социалистическом соревновании и пожелал им новых успехов в юбилейном году.

С теплым приветствием на вечере выступил председатель ЦК профсоюза работников культуры М. В. Пашков. Коллектив предприятия поздравили также секретарь Киевского горкома КП Украины В. А. Бойченко и председатель Комитета по печати при Совете Министров Украинской ССР Н. К. Белогуров.

На приветствия отвечали лучшие работники фабрики — переплетчица О. Семенова и печатник Г. Дребезгов. Директор фабрики А. Баран говорил о большом трудовом энтузиазме, который царит на предприятии, о стремлении рабочих встретить 50-летие Октября новыми трудовыми успехами.

На праздничном вечере присутствовал заместитель председателя Совета Министров Украины П. Т. Тронько. Коллектив Театра имени И. Франко показал рабочим пьесу А. Корнейчука «Расплата».

Вчера товарищи Пашков и Михайлов в торжественной обстановке вручили переходящее Красное знамя Комитета по печати при Совете Министров СССР и ЦК профсоюза работников культуры коллективу Киевской областной типографии, также одержавшему победу во Всесоюзном социалистическом соревновании по итогам IV квартала 1966 года.

Почетные награды — переходящие Красные знамена Совета Министров СССР и ВЦСПС, Комитета по печати при Совете Министров СССР и ЦК профсоюза работников культуры, денежные премии — будут вручены еще 13 предприятиям полиграфической промышленности и книжной торговли Украины.

(Наш соб. корр.).

КИЕВ.

ПЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ...

Вчера в Комитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. Она была устроена руководством организационного комитета V Московского международного кинофестиваля. Глава оргкомитета, председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР А. В. Романов, в частности, заявил:

— Пятый Московский международный кинофестиваль приобретает особое значение, ибо он будет проходить незадолго до знаменательной даты — 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. В этом году, юбилейном для Советского государства, несомненно, еще больший отклик у кинематографистов всей земли найдут и этот праздник киноискусства, и высокие принципы, выраженные в его девизе «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!».

Организаторами Международного кинофестиваля в Москве по традиции являются Комитет по кинематографии при Совете Министров СССР и Союз кинематографистов СССР.

В международное жюри кинофестиваля приглашаются виднейшие деятели киноискусства различных стран. Состав жюри в настоящее время уточняется и будет объявлен позднее.

Как и в предшествующие годы, кинематографии всех стран мира приглашаются принять участие в Московском кинофестивале на равноправных условиях. Каждая страна может представить на фестивальный конкурс одну полнометражную кинокартину и один короткометражный (продолжительностью до 35 минут) художественный, хроникально-документальный или научно-популярный фильм, а также направить на фестиваль делегацию в составе трех человек. Помимо официальных делегаций, на фестиваль приедут многочисленные гости по приглашениям дирекции фестиваля, а также и по своей инициативе.

В регламент Московского кинофестиваля в этом году внесены некоторые дополнения и уточнения. Отныне число конкурсных фильмов не будет превышать 24.

Демонстрация полнометражных художественных фильмов, как и на предыдущих московских кинофестивалях, будет проводиться в Кремлевском Дворце съездов. Для показа короткометражных фильмов отводится здание Центрального дома кино.

Вопрос об участии того или иного фильма в конкурсе решает генеральная дирекция фестиваля. Фильмы, не вошедшие в программу конкурса, могут быть с согласия их владельцев показаны в информационном порядке.

Всем фильмам, включенным в конкурсную или информационную части программы, будут выданы дипломы фестиваля.

На V Московском кинофестивале будут присуждены следующие премии:

ПО ПОЛНОМЕТРАЖНЫМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМАМ:

Большой приз — за лучший фильм.

Один Золотой и один Серебряный призы — специальные премии жюри.

Один Золотой и один Серебряный призы — за лучшие произведения стран, в которых начинает развиваться национальная кинематография.

Приз за лучшую режиссуру.

Приз за лучшее исполнение женской роли.

Приз за лучшее исполнение мужской роли.

ПО КОРОТКОМЕТРАЖНЫМ ФИЛЬМАМ:

Золотой приз — за лучший фильм.

Приз за лучший игровой фильм. Приз за лучший хроникально-документальный фильм.

Приз за лучший научно-популярный фильм.

Кроме того, ряд специальных призов и дипломов учреждают Союз кинематографистов СССР, Союз журналистов СССР и другие общественные организации.

Важной новинкой Московского международного кинофестиваля будет проводимый в его рамках в 1967 году **конкурс на лучший детский фильм** (организуемый при содействии и участии Международного центра фильмов для детей). Местом проведения этого конкурса будет всемирно известный Дворец пионеров на Ленинских горах. Специальное жюри присудит лучшим детским фильмам один Золотой приз и три Серебряных. В программу конкурса могут быть включены детские фильмы независимо от срока их выпуска при условии, что они отвечают целям и девизу Московского кинофестиваля.

В связи с 50-летием Советского государства в дни фестиваля для его участников будет организован **ретроспективный показ лучших советских фильмов.**

Перед зрителями, которые получат возможность познакомиться с шедеврами киноискусства, созданными в СССР за полвека, выступят виднейшие деятели советского кино.

По окончании кинофестиваля Союз кинематографистов СССР организует в Ленинграде **международный симпозиум на тему: «Влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции на мировое киноискусство».**

Пятый Международный кинофестиваль в Москве откроется 5 июля и продлится две недели. Его участники и гости получат возможность посетить киностудии, встретиться с московскими киноактерами, познакомиться с достопримечательностями Москвы и Ленинграда.

С большим размахом будет организован в дни фестиваля **«международный кинорынок».** Продюсерам и представителям прокатных фирм, приехавшим на фестиваль, будут предоставлены благоприятные условия для налаживания деловых контактов и заключения договоров на продажу и покупку фильмов. Активное участие в «кинорынке» примет В/О «Совэкспортфильм».

Далее А. В. Романов, другие представители оргкомитета V Московского международного кинофестиваля ответили на многочисленные вопросы журналистов.

А. В. Романов сообщил также, что приглашение принять участие в V Международном кинофестивале послано в 116 стран. В Москву согласны приехать известные итальянские киноактеры Клаудиа Кардинале, Марчелло Мастроянни, итальянские кинорежиссеры Д. Ризи, А. Блазетти, французский киноактер и режиссер Р. Оссейн, который дал также свое согласие быть членом жюри.

Его коллегами по работе в этом жюри будут М. Чесно-Хелль (ГДР), Рамон Варето (Аргентина), Мартин Фрич (ЧССР). Членом жюри по детским фильмам будет известная индийская актриса Наргис.

Из блокнота рецензента

СТОЛИЧНЫЙ КОНЦЕРТ

ПРАВО ЖЕ, в этом нет преувеличения. Все в этом концерте — исполнительская культура, репертуар, благоговейно-сосредоточенное восприятие музыкальных образов аудиторией — все, вплоть до умело и тактично помогающей слушателю ориентироваться в содержании исполняемых произведений аннотации, вложенной в программу, было впору таким храмам классической музыки, как Большой зал Московской консерватории или Колонный зал Ленинградской филармонии.

Можно, конечно, спорить о трактовке пианистом Второго концерта Рахманинова, (где подчас внешние виртуозные моменты выплывали на первый план. Можно отметить неравноценность исполнительского мастерства артистов симфонического оркестра, сказавшуюся в трактовке сложных партитур Паваны и Альборады Равеля. Но это частности. Общий художественный уровень отвечал самым высоким требованиям. Дирижер темпераментно и одновременно вдумчиво-углубленно провел Вторую симфонию Сибелиуса и упомянутые пьесы Равеля, с первых же тактов найдя полное взаимопонимание с оркестром, чутко аккомпанировал солисту в Концерте Рахманинова. Пианист показал себя зрелым профессионалом, легко и свободно ориентирующимся в трудностях рахманиновской фактуры, равно уверенно чувствующим себя и в кантиленных, и в виртуозно-бравурных эпизодах. Оркестр ансамблевым мастерством, чутким вниманием к дирижерскому жесту, умением «дышать музыкой» вместе с дирижером и солистом убедил в своей высокой художественной культуре.

Рецензируемый концерт состоялся в Хабаровске 16 февраля. Это был рядовой для города абонементный филармонический вечер. Выступал Дальневосточный симфонический оркестр и хабаровский пианист Вячеслав Соболевский. Дирижировал гастролер из Петрозаводска Александр Дмитриев — один из лауреатов прошлогоднего конкурса дирижеров. Как выросла за последние годы культура наших филармонических концертов! Как расширялась география «столичного филармонизма»! Пожалуй, действительно понятие это нужно закавычить. Географически во всяком случае термины «музыкальная столица» и «музыкальная провинция» сместились разительнейшим образом.

Ин. ПОПОВ.

ХАБАРОВСК.

ГЛАВНОЕ — АКТЕР

МАЛЫЙ театр возобновил постановку комедии Скриба «Стакан воды».

«Стакану воды» повезло в России. На сцене Малого театра в пьесе играли такие великие артисты, как Ермолова, Южин, Лешковская, Зубов и Радин. Большие русские актеры безмерно обогащали и углубляли пьесу Скриба, превращали ее условных персонажей в яркие характеры.

Сейчас Е. Велихов поставил спектакль заново. При том, что режиссер тщательно разработал всю партитуру спектакля, главное в нем — актер.

Прежде всего надо назвать самого Е. Велихова, играющего роль Болингброка. Мастер старшего поколения, он давно связал свою творческую судьбу со «Стаканом воды».

Сейчас Велихов сделал роль заново. Образ, созданный им, подчеркнуто картинен и театрален.

Создавая этот образ, актер Велихов очень точно соблюдает пропорцию — он играет английского политика в изображении французского драматурга. Болингброк Велихова — прирожденный парламентский оратор. Он часто становится в позу и произносит речи. У него красивый, свободно льющийся голос, он чуть-чуть декламирует. Но, окончив речь, актер снимает пафос и бросает очень меткие и трезвые, чисто французские реплики, раскрывающие суть политических комбинаций и любовных интриг.

Особенность «актерского спектакля» выражается и в том, что в рамках общей его концепции у исполнителя остается возможность самостоятельной трактовки. Роль королевы исполняют Ерешева и Ликсо, роль герцогини Мальборо — Быстрицкая и Егорова. Каждая из исполнительниц предлагает свою трактовку.

Образ, созданный Ерешевой, сложен и многогранен. Перед нами и королева Англии, умеющая владеть собой и даже не лишенная властности повелительница, и влюбленная, и ревнующая женщина.

Наоборот, Ликсо играет просто влюбленную женщину, женщину слабую и недалекую, ревнующую и страдающую. Свой замысел актриса раскрывает очень талантливо.

Быстрицкая освобождает образ леди Мальборо от того демонизма, которым окружают его обычно. Перед нами кокетливая светская дама, ведущая интриги при дворе.

Рисунок роли, который предлагает молодая актриса Егорова, кажется нам весьма интересным. Ее героиня Мальборо — политик и интриганка по преимуществу.

Юдина обаятельна в роли Абигайль. А Ткаченко, играющему Мешена, явно не хватает легкости и непринужденности, а главное, речевого искусства, которого требует пьеса Скриба.

А. ШТЕЙН.

МЫ ПОМНИМ ДОРОГИ...

В ДЕНЬ СОРОК ДЕВЯТОЙ годовщины Советской Армии традиционная телевизионная передача «Мы помним дороги...» велась из Центрального дома актера. В зале — ветераны сцены и прославленные полководцы, молодые актеры и солдаты первого года службы.

Кинокадрами, напоминающими славные победы нашего оружия, началась эта встреча, которую вел Борис Бабочкин.

Хроника переносит нас в те далекие дни, когда сценой были прифронтовые леса, а зрителями — люди с оружием. Мы видим бригады актеров, выступающие в прифронтовой полосе, и потом встречаем некоторых из них здесь, в зале, украшенным боевыми орденами, прослуживших за четверть века.

Просто и волнующе перекидывает телевизионный репортаж мосты из прошлого в настоящее, говорит о бессмертном подвиге нашего народа, о его единстве. И вот камера показывает нам шеренгу людей с боевыми наградами на мирных обычных костюмах. Они представляются, называя сначала свои воинские звания, наименования боевых частей, где четверть века назад они несли службу, а уж потом — свои теперешние должности. Уже нет былой военной выправки, непривычно звучат давно непроизносимые слова воинского обихода. Мы слушаем этих людей, проникаемся их чувствами, и это, пожалуй, один из самых волнующих моментов передачи. Это снова живой, ощутимый мостик из настоящего — в прошлое, из прошлого — в настоящее...

С. МЕДЫНСКИЙ.

Н. Карачинцев и Н. Малюченко.

ТРАДИЦИИ

Олег ТАБАКОВ, артист театра «Современник»

ЕГО ЗАМЕТКИ телезрителя, актера, но никак не теоретика. Говорю только о своих впечатлениях. Они, наверное, обрывочны, их трудно систематизировать. Но есть вопросы, которые поневоле возникают у человека перед экраном, их задаешь себе все чаще и чаще, стремишься ответить на них...

Всем ли быть Колумбами?

Каждое из ныне здравствующих искусств — театр, живопись, кино и т. п.—знает свою природу, понимает, в чем его слабости, а в чем сила, знает, на какие свои особенности опираться, словом, имеет традиции.

Можно ли сказать то же самое о телевидении?

На мой взгляд, оно еще не осознает себя.

Утверждение это может показаться странным. На телевидении есть немало явлений, выходящих из среднего ряда. Есть глубокие работы И. Беляева, исследующие внутренний мир человека труда. Есть любопытные изобразительные эксперименты Ю. Белянкина. Интересны режиссерские попытки М. Орлова создать публицистический телетеатр. Телеспектакли ленинградского режиссера А. Белинского — это умные, точные произведения искусства. Беру только поиски собственно телевизионщиков и наверняка перечисляю далеко не все... Но я не могу отделаться от впечатления, что это — явления случайные, спорадически возникающие на телеэкране (так выделяются они на общем фоне!), не поддержанные, не обобщенные и не изученные. Я не могу отделаться от впечатления, что люди, приходящие на телевидение, не знают, на что опереться в накопленном опыте. Творят на свой страх и риск. Как придется.

Каждому приятно чувствовать себя Колумбом, но целесообразно ли много раз открывать одно и то же? Работать, не опираясь на традиции, не вооружаясь знанием творческих законов, — это поневоле дилетантизм.

Я никоим образом не хочу обидеть и названных мной художников, и многих их товарищей. Я хочу видеть не энтузиазм одиночек, а целеустремленность коллективного поиска. Чтобы складывалось ясное представление, скажем, о школе репортажа, характерной для Центрального телевидения, о комментаторской школе ленинградцев, о методе теле-киноизображения, применяемом в Киеве не так, как в Минске или в Перми...

Пока все это из области благих пожеланий. Пожалуй, только ленинградский телетеатр составляет исключение. Тут уже начинает ощущаться школа, уже очевидны попытки опереться на некие собственным опытом нажитые традиции. (К сожалению, блестящие достижения таллинского репортажного телевидения с трудом преодолевают географический барьер, оставаясь в рамках биографии эстонского ТВ).

По общему признанию, телевидение призвано постоянно исследовать быстротечную, меняющуюся, сложную нашу жизнь. Замечали вы, конечно, что нередко в обиходе этак небрежно противопоставляют жизни кино. «Кино!..» — скажут порой с усмешкой. О телевидении такого не услышите. Телевидение — это жизнь, согласились все. Я думаю, это аванс, который великодушно выдают ТВ зрители.

Увы, ТВ робко вторгается в область пристального, вдумчивого исследования действительности. Ухватит то, ухватит другое, третье... Не похоже пока, что телеэкран стал исследователем жизни, ясно определившим свою дорогу.

Конечно, газетная и журнальная периодика все чаще обращается к проблемам ТВ, стали, хотя и редко, выходить книги по телевидению. Однако статьи в газетах и журналах большей частью замыкаются в границах конкретной сегодняшней практики, а с книжных страниц веет дух прикладного профессионализма. Природу телевидения стремился осмыслить В. Сапак, его книга великолепна, но сколько же можно на нее ссылаться?

Отсутствие широкого теоретического осмысления ТВ не делает чести людям, посвятившим свою жизнь теории искусств. Нельзя, нельзя быть снобами, нельзя высокомерно игнорировать существование «этого ящика». Значительная часть продукции не выдерживает общепринятых эстетических критериев? Пусть даже так. Но давайте заглянем в сочинения Виссариона Белинского. Большую ли относительно площадь занимает анализ произведений Пушкина и Гоголя? Великий критик не, гнушался разбором и множества весьма посредственных вещей, чтобы ясней увидеть закономерности литературного процесса, повлиять своим пламенным словом на будущие пути русского литературного творчества.

А с телевидением получается какой-то заколдованный круг. Появляются все новые работы, их достоинства и недостатки, лишенные обобщения и осмысления, повисают в воздухе. Присмотреться только — неужели можно было обойти вниманием «Смуглую леди сонетов» с С. Юрским и Э. Поповой, вещь превосходную и спорную, позволяющую говорить и об актере на телевидении, и об историзме Шоу в интерпретации А. Белинского... А вот обошли же!

ПРОБЛЕМА МЕСТНАЯ И ПОВСЕМЕСТНАЯ

Д. АКИВИС, Г. УЖОВА, специальные корреспонденты «Советской культуры»

РЖЕВ — город старый, со своей интеллигенцией, с коренными жителями, со сложившимися традициями. Ржев — город новый, все сызнова после войны построенное, все сравнительно недавнее. Никакого прошлого века, никаких затхлых углов.

А самое главное: Ржев — город не богатый и не бедный. Ни колоссов, какими богаты Москва, Ленинград, Киев, ни завалюшек, какие встретишь иной раз еще и в районном центре. Жалоб на стесненность в средствах от местных культпросветчиков не услышишь.

И вот из Ржева, из этого благополучного города, пришло в редакцию письмо от художественного руководителя одного из клубов И. Ладыгина. Вначале в письме — именно об этом: о благополучии.

«Никогда раньше,— пишет И. Ладыгин, — не было в нашем городе столь благоприятных условий для развития и демонстрации народных талантов. Никогда раньше не было у нас такой солидной группы квалифицированных, глубоко знающих дело руководителей театральных, хоровых, танцевальных коллективов».

После такого вступления невольно подготавливаешься читать дальше о расцвете художественной самодеятельности, о новых взлетах и завоеваниях. Фестивальный год уже достаточно приучил нас к этому. Но это письмо, из Ржева, не такое.

«Никогда раньше наша самодеятельность не переживала столь затяжного кризиса, как за последние 3—4 года...».

«Наша» — значит «ржевская»? Или не только? Вообще не довольствуемся ли мы порой видимыми, внешними, поверхностными наблюдениями, не составляем ли по ним представлений чересчур поспешных? А может, где-то идет более глубокий, длительный — его не прикуроченешь к дате, хотя бы и самой значительной, — процесс, неизучаемый, незнакомый? Во всем этом хотелось разобраться.

Вот что мы увидели.

ТАК УЖ повелось, что жизненный тонус самодеятельности измеряется прежде всего числом участников. Сколько было народу в коллективе, сколько стало, каков прирост — игра этих цифр и вправду способна открыть многое.

Старые клубные архивы в Ржеве не сохранились. Поэтому здесь и дальше мы будем опираться на свидетельства очевидцев — людей, давно живущих в городе и тех или иначе связанных с самодеятельностью. Различные по возрасту, по должности, по темпераменту, наконец, все они сходились в одном: ряды самодеятельности заметно редеют, особенно в последние пять-шесть лет. Еще выходят на сцену певцы, участвовавшие в мощных — до сотни голосов — хорах. Еще недавно ставились сложные хореографические композиции с множеством исполнителей. Сейчас о таких масштабах и не мечтают. Сейчас тридцать хористов — приличный коллектив. Хор клуба железнодорожников, знаменитый, ведущий свою историю чуть ли не с первых лет революции, поставлен перед грустной дилеммой: отказаться от четырехголосья или воздержаться от выступлений. Басов не осталось.

Но даже немногочисленных участников собрать в коллектив стоит великих трудов. Что-то сместилось: уже не девчонка приходит проситься в хор, а к ней являются с уговорами и хормейстер, и заведующий клубом, и член профкома, и еще кто-нибудь по комсомольской линии. И потом о каждой репетиции ей будет не раз напоминать руководитель, для которого проход с поклонами по цехам стал обязательным пунктом творческого распорядка.

Нам советовали обратить особое внимание на хор льночесальной фабрики, работающий давно и со славой. Руководит им Т. Струнин — один из лучших в городе хормейстеров. Мы с готовностью обратили. Может быть, действительно существует спасительный секрет? Но, увы! Тимофей Иванович Струнин убил надежду наповал. «И говорить нечего: против прошлых лет куда плоше... И струнинский хор порредел, и Струнину знакомы бестолковые занятия: пятнадцать явились, сорока нет.

Если этот хор живет и даже возвышается над общим уровнем, то заслуга здесь во многом руководителей фабрики, общественных организаций, не устающих поощрять и уговаривать. И прекрасно, что не устают. На предприятиях, где с самодеятельности не пекутся, картина и вовсе плачевная. Но собственная притягательная сила самодеятельного искусства — она-то где же? По скольку же агитаторов нужно на одного участника?

Как уговаривают? По-разному. Не последний аргумент — «не забывайте о чести предприятия!». Словно окончательно уверились: по душевному влечению в кружок мало кто пойдет. Участие в хоре — по идее, это праздничное преимущество, завидная доля. А превращается оно на глазах в унылую повинность.

На таких зыбких основаниях прочный коллектив вырасти не может. Сегодня честь предприятия поддерживают одни, завтра — другие. Отсюда — творческий уровень, посильная сложность репертуара. Отсюда — тоска руководителя и тех, кто входит в кадров увлеченных, преданных, многолетних участников. Год от году им становится все скучнее.

Дополняет картину и такой любопытный факт. В хореографическом коллективе единственного в городе Дворца культуры нет ни одного человека с финансирующего дворец предприятия. В драматическом Доме культуры РМЗ (которым, к слову, и руководит автор письма в редакцию И. Ладыгин) с родного завода — единицы. Не укор, что ходят «чужие». Беда, что не ходят «свои». В этом — отношение.

Итак, самодеятельность во Ржеве переживает очень тяжелый, очень болезненный период спада. Люди разлюбили ее, тяга к ней ослабла, потребность в ней уменьшилась.

Почему?

Мы задавали этот вопрос ветеранам ржевской самодеятельности.

Вот оно, мнение ветеранов, в произвольном перечислении.

Причина первая. Клубов стало больше, и силы, как бы рассредоточиваются.

Причина вторая. Раньше самодеятельность была — один свет в окошке. Теперь кино, телевидение, гастролеры. Возникла конкуренция.

Третья. У людей стало меньше свободного времени. Столько студентов никогда прежде не было.

Четвертая. Стали лучше жить. Отдельные квартиры, уютно, приятно. Из дому меньше тянет.

Пятая. Общий культурный уровень вырос. Требовательность повышается — к зрителей к участникам, и участников к себе. Раньше проще было, снисходительнее.

Шестая. Молодежь теперь пассивная. Хочет только получать готовенькое, а давать не желает.

Седьмая. Еще о молодежи. Чувство ответственности у нее ослаблено. Походят в кружок и бросают, а там — хоть потоп.

Восьмая. И старшее поколение не без вины. К молодым часто подходят со своими мерками и представлениями — раз нам было интересно, значит, и вам должно быть.

Одни причины, возможно, покажутся вам основательными, с другими вы захотите поспорить. Но все они достаточно серьезны, не отмахнешься.

Что же делать?

Даже закоренелые оптимисты, уверяющие, что отлив непременно сменится приливом, считают тем не менее: какие-то препятствия отливу воздвигать необходимо.

И воздвигают. Прежде всего — на близкой позиции и директора клубов. Им задумываться некогда, им дня не хватает. Директор и сам в хоре поет, и бухгалтера своего заставит, и уборщицу.

Массовость добывается с бою. Смотр, как война, все сгнешь. А дальше? Вопрос, «как удержать», еще острее, чем первоначальный «как завлечь». Директора клубов прямо говорят о льготах. Конечно, мол, самодеятельность — дело сугубо бескорыстное, но ведь и то учтите: человек после работы, и вообще не обязан...

Как минимум, участников бесплатно пропускают на танцы и гастрольные спектакли — это не официально, но повсеместно. Дальше: освобождение от работы в наиболее горячий для клуба период (с нажимом на всевозможные кнопки). Поощрительные экскурсии за счет профсоюза — от однодневной, на лоно природы, до длительной, в большие города. Где есть только минимум, жалуются: «Мало. Вот у соседей!». Где уже и экскурсии прилились, опять жалуются: «Мало, вот у соседей!». И ревниво следят за тем, что у соседей. И как быстро все узнают: вот в Харькове, говорят, один завком купил всему (!!) хору путевки на юг, а на Кубани, говорят, в колхозах существуют платные ансамбли и хоры...

Это бочка без дна. Зайти можно как угодно далеко, как средства и щедрость позволяют. Но где-то тут, на пути «повышения заинтересованности и поощрения», бесследно пропала наша хорошая знакомая — самодеятельность. То ли вовсе в сторону ушла, то ли так изменилась — не узнаешь.

ТАК БОРЮТСЯ в Ржеве — и не только в Ржеве — с нарастающим охлаждением к самодеятельности. Сказать, что меры эти бесполезны, нельзя: там, где в ход пущено все, жизнь продолжается. Но вот что примечательно. Помните перечень изменений в жизни ржевитян, в которых, по всеобщему мнению, коренятся причины охлаждения? А методы борьбы с ним, как видим, лежат где-то в далекой стороне.

Тем не менее десятки людей, стоящих у руководства самодеятельностью, не щадя сил, изощряются в этих полумерах и четвертьмерах, с готовностью закрывая глаза на малую их эффективность и даже на причиняемый ими вред.

Почему? А потому, что существует незыблемая установка: самодеятельность должна развиваться и крепнуть, приобретая все более массовый характер. А если где-то, в какой-то точке государства, не развивается и не крепнет, значит, повинны в том местные организации, ведающие культурой. Поэтому тот, кто громко скажет о постигшей самодеятельность беде, сам же себя и высечет, как не сумевшего и не обеспечившего.

Значит, вот с чего надо начинать поиски радикального средства: с изменения этой изначальной установки. Не дело, чтобы руководящий принцип так явно расходился с жизненной реальностью.

А для того чтобы такую новую и верную установку выработать, надо прежде всего разобраться в следующем. Живет, предположим, в городе Ржеве человек, который не хочет участвовать в самодеятельности. Хорошо это для него или плохо?

На вопрос не ответишь, не зная, что он делает в те часы, когда в клубе занимается кружок. Если этот человек, как говорят о нем злопыхатели, праздно лежит на диване или забивает «козла», или пьет зелено вино, конечно же, плохо. И никаких сил не жалко, никаких компромиссов не стыдно, если они помогут завлечь его в коллектив.

А если он отдает время чему-то другому, не менее интересному и способному духовно его обогатить? Например, много и серьезно читает. Или коллекционирует пластинки. Может быть, для него отказ от самодеятельности — никакое не лишение!

И снова трудно дать однозначный ответ. По интеллектуальной ценности эти занятия — достойные соперники любительскому творчеству. Но коллекционер пластинок — одиночка, а участник самодеятельности — член коллектива. Участник самодеятельности имеет простор для активного самовыражения, а коллекционер его не имеет. И невольно подумаешь: а может быть, лучше бы он все-таки пел в хоре?

Словом, для того чтобы изобрести действенные меры преодоления упадка, надо как минимум знать, каковы духовные интересы людей, живущих сегодня в городе. И прежде всего молодежи. Но этого никто не знает и узнать всерьез не пытается.

Не очень выяснено даже, какие, собственно, слои, группы населения в основном занимаются самодеятельностью, кого она привлекает больше, кого — меньше. Можно просто и гордо заявить: всех больше! Все занимаются! Но стоит обернуться к реальности, и увидишь: интеллигенция в самодеятельности почти не участвует. Ни техническая — с заводов, ни «гуманитарная» — из многочисленных учреждений.

Есть даже наглядное доказательство этого категорического неучастия: массированным натиском отдела культуры и горкома был создан к смотру хор учителей. Получилось нечто большое, бесформенное, нестройное — дитя приказа, не любви. Об этом нам сами же «экспериментаторы» и рассказали. Но опять же — никаких попыток выяснить, в чем же, наконец, дело. Или вот: почему не ходят в свой родной клуб инженеры? Почему не тянутся в оркестры врачи (а эта профессия обычно богата хорошими музыкантами)?

И вообще кого, так сказать, «представляют» участники самодеятельности? От интеллигенции, как сказано, «представителей» незначительное число. От взрослых, семейных людей всех профессиональных групп — и вовсе единицы. Может быть, дело именно в возрасте? Да нет, и молодежь представлена крайне односторонне. Многочисленная категория заочников и вечерников отстранилась. Кто же остается? Школьники старших классов. Надежда и опора. Молодые рабочие, а больше служащие. В основном девушки. Юноши — редкость. В 19 лет они уходят в армию, а возвращаются с мыслями о квалификации, квартиры. Во Ржеве их проводят ежегодно, не дожидаясь указаний области, и очень этим гордятся.

Кажется, все уже согласились: смотры полезны, необходимы, прекрасны, если они — часть сложного, тонкого, непрерывного процесса, именуемого творческой жизнью коллектива. Смотры же, как сильный толчок в спину сонливцу, как допинг спортсмену, вредны и даже опасны.

Смотр с великолепной легкостью создает иллюзию благополучия. Действительно, если коллектив выходит на смотр, значит, он живет, работает. А на деле — всего в жизни два-три месяца в году. Два-три месяца вправе, шума, дикой нагрузки.

Во Ржеве и мы поневоле стали участниками предсмотровых тревог. Вместе с городским жюри ходили из клуба в клуб на отборочные концерты. Членам жюри приходилось нелегко — и времени, и сил, и нервов тратилось ими достаточно. Возглавлял комиссию Яков Иосифович Гуревич, директор музыкальной школы. После каждого показа он подробно разбирал каждый номер. И это были замечания умные, точные, квалифицированные и очень тактичные (с какой изящной деликатностью посоветовал он, например, одному вокалисту, певшему по шпаргалке, «не пренебрегать знанием текста!»). Но...

Одна мелкая деталь мешала нам восхищаться его консультациями. Или нельзя воспользоваться. Некому. За ту неделю, что оставалась до смотра, можно было внести только незначительные исправления. А на будущее эти глубокие замечания тоже ни к чему, ибо к следующему смотру больше половины в коллективе будут новенькие, опять-таки накануне спешно созванные.

Это знали даже мы, приезжие. А здешний, много лет председательствующий в жюри Яков Иосифович не знал? И другие члены комиссии, не хуже нас видавшие сырость, скоропелость, живую нитку, на которую сметано все показанное, — они тоже подбадривали, поощряли, советовали... И прошел смотр! Не хуже, чем у людей...

Это какая-то «взаимоуверенная» деятельность, и первое ее условие — не замечать перемен. «Может, в самодеятельности и, правда, неблагополучно, может, только нытики так говорят — меня анализировать не звали. Свое дело я делаю добросовестно, все выполняю, себя не жалею».

И прод (с нажимом на всевозможные кнопки). Поощрительные экскурсии за счет профсоюза — от однодневной, на лоно природы, до длительной, в большие города. Где есть только минимум, жалуются: «Мало. Вот у соседей!». Где уже и экскурсии прилились, опять жалуются: «Мало, вот у соседей!». И ревниво следят за тем, что у соседей. И как быстро все узнают: вот в Харькове, говорят, один завком купил всему (!!) хору путевки на юг, а на Кубани, говорят, в колхозах существуют платные ансамбли и хоры...

Это бочка без дна. Зайти можно как угодно далеко, как средства и щедрость позволяют. Но где-то тут, на пути «повышения заинтересованности и поощрения», бесследно пропала наша хорошая знакомая — самодеятельность. То ли вовсе в сторону ушла, то ли так изменилась — не узнаешь.

ТАК БОРЮТСЯ в Ржеве — и не только в Ржеве — с нарастающим охлаждением к самодеятельности. Сказать, что меры эти бесполезны, нельзя: там, где в ход пущено все, жизнь продолжается. Но вот что примечательно. Помните перечень изменений в жизни ржевитян, в которых, по всеобщему мнению, коренятся причины охлаждения? А методы борьбы с ним, как видим, лежат где-то в далекой стороне.

Тем не менее десятки людей, стоящих у руководства самодеятельностью, не щадя сил, изощряются в этих полумерах и четвертьмерах, с готовностью закрывая глаза на малую их эффективность и даже на причиняемый ими вред.

Почему? А потому, что существует незыблемая установка: самодеятельность должна развиваться и крепнуть, приобретая все более массовый характер. А если где-то, в какой-то точке государства, не развивается и не крепнет, значит, повинны в том местные организации, ведающие культурой. Поэтому тот, кто громко скажет о постигшей самодеятельность беде, сам же себя и высечет, как не сумевшего и не обеспечившего.

Значит, вот с чего надо начинать поиски радикального средства: с изменения этой изначальной установки. Не дело, чтобы руководящий принцип так явно расходился с жизненной реальностью.

А для того чтобы такую новую и верную установку выработать, надо прежде всего разобраться в следующем. Живет, предположим, в городе Ржеве человек, который не хочет участвовать в самодеятельности. Хорошо это для него или плохо?

На вопрос не ответишь, не зная, что он делает в те часы, когда в клубе занимается кружок. Если этот человек, как говорят о нем злопыхатели, праздно лежит на диване или забивает «козла», или пьет зелено вино, конечно же, плохо. И никаких сил не жалко, никаких компромиссов не стыдно, если они помогут завлечь его в коллектив.

А если он отдает время чему-то другому, не менее интересному и способному духовно его обогатить? Например, много и серьезно читает. Или коллекционирует пластинки. Может быть, для него отказ от самодеятельности — никакое не лишение!

И снова трудно дать однозначный ответ. По интеллектуальной ценности эти занятия — достойные соперники любительскому творчеству. Но коллекционер пластинок — одиночка, а участник самодеятельности — член коллектива. Участник самодеятельности имеет простор для активного самовыражения, а коллекционер его не имеет. И невольно подумаешь: а может быть, лучше бы он все-таки пел в хоре?

Словом, для того чтобы изобрести действенные меры преодоления упадка, надо как минимум знать, каковы духовные интересы людей, живущих сегодня в городе. И прежде всего молодежи. Но этого никто не знает и узнать всерьез не пытается.

Не очень выяснено даже, какие, собственно, слои, группы населения в основном занимаются самодеятельностью, кого она привлекает больше, кого — меньше. Можно просто и гордо заявить: всех больше! Все занимаются! Но стоит обернуться к реальности, и увидишь: интеллигенция в самодеятельности почти не участвует. Ни техническая — с заводов, ни «гуманитарная» — из многочисленных учреждений.

Есть даже наглядное доказательство этого категорического неучастия: массированным натиском отдела культуры и горкома был создан к смотру хор учителей. Получилось нечто большое, бесформенное, нестройное — дитя приказа, не любви. Об этом нам сами же «экспериментаторы» и рассказали. Но опять же — никаких попыток выяснить, в чем же, наконец, дело. Или вот: почему не ходят в свой родной клуб инженеры? Почему не тянутся в оркестры врачи (а эта профессия обычно богата хорошими музыкантами)?

И вообще кого, так сказать, «представляют» участники самодеятельности? От интеллигенции, как сказано, «представителей» незначительное число. От взрослых, семейных людей всех профессиональных групп — и вовсе единицы. Может быть, дело именно в возрасте? Да нет, и молодежь представлена крайне односторонне. Многочисленная категория заочников и вечерников отстранилась. Кто же остается? Школьники старших классов. Надежда и опора. Молодые рабочие, а больше служащие. В основном девушки. Юноши — редкость. В 19 лет они уходят в армию, а возвращаются с мыслями о квалификации, квар-

НЕ ЖДАЛИ

В школе-студии МХАТа учат... балету

Г. Стецюк и В. Чукаев.

М. Лаврентьева и М. Езепов.

ГЛЯДЯ на то, с каким восторгом танцевали студенты актерского факультета школы-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТе на экзаменах по танцу, трудно было поверить, что это не солисты балета, а завтрашние артисты драматических театров. И «Сомнение» на музыку Глинки в исполнении Ирины Лаврентьевой и Михаила Езепова, и цыганский танец, в котором выступили Николай Карачинцев и Евгения Губова, и «Воспоминание» (обработка А. Новикова) — исполнители Галина Стецюк и Евгений Кондиков, и глинкинская «Камаринская», которую танцевали Ольга Фомичева и Борис Чукаев, и «Испанская сюита» на музыку М. де Фальи оказались под силу будущим драматическим артистам. У этих студентов (художественный руководитель 4-го курса доцент В. Н. Монюков) энергии хоть отбавляй. Они танцуют увлеченно и зажигательно. И хотя на экзаменах аплодисменты неуместны, зрители, в данном случае зрителями оказались мастера прославленного Художественного театра, не могли не заразиться молодостью и темпераментом своих воспитанников. И пусть то, что показали студенты, еще не завершено и требует шлифовки, важно, что за годы учебы в школе-студии МХАТа имени А. М. Горького у них закладываются прочные основы танцевальной культуры, а это для артистов современного театра не менее важно, чем владение словом. И в этом несомненная заслуга учениц А. Я. Вагановой — талантливого педагога и балетмейстера Ольги Всеволодовны Всеволодской-Голушевич, которая с первых же дней учебы помогает студентам постигать таинства трудного, но прекрасного искусства хореографии.

Мы видели зрелище интересное и яркое. Оно увлекало и самих исполнителей, и зрителей, увлекало удивительной искренностью, горячностью, трудолюбием. А это ли не один из залогов успеха, который ожидает на сцене завтрашних артистов.

Гр. ГОГОБЕРИДЗЕ.

Фото В. Кузнецова.

НА ОЩУПЬ

Дело о драматургии

Опираться на самое сильное в себе — это и есть традиция в искусстве.

Что действует сильнее всего, когда смотришь передачу?

Мне довелось дважды увидеть по телевидению передачи из зала суда. У меня было ощущение сопричастности ко всему происходившему (разумеется, не в юридическом смысле слова — эмоциональной сопричастности). Увлекла меня острота обстоятельств, неинсценированность происходящего. И подсудимый, и судья были максимально приближены ко мне. Я наблюдал постепенное, порой психологически неожиданное выявление личностей. (Меня как актера прежде всего интересует характер человека, раскрывающийся в конфликтном действии).

Так вот, доведись мне работать на телевидении, я попытался бы строить передачи так, чтобы зритель мог наблюдать напряженное, динамичное, психологически мотивированное раскрытие событий и человека. Должен быть не рассказ о чем-то, а именно события, действия, поступки — без поступков нет и характера.

Если говорить о художественном телевидении, я искал бы пружинистую, острую, конфликтную драматургию. Наверное, не случайно многие удачи связаны с острым сюжетом, заставляющим зрителя не отрываться от экрана. Напомню последнюю режиссерскую работу Г. Товстоногова на телевидении «Дело по обвинению». Вспомним «Двенадцать разгневанных мужчин» и «Мари-Октябрь» — телефильмы, построенные по принципу судебного разбирательства. Подчеркиваю: по принципу, ибо криминальная сторона здесь далеко не главная.

Я убежден: в традициях художественного ТВ должен прочно укорениться жизненный материал с глубокими нравственными, социальными, психологическими конфликтами, вспыхивающими у нас на глазах, позволяющими человеку раскрыться неожиданно и интересно. Укрупнение человеческого характера, личности — не это ли одно из сильных качеств телевидения?

Гвоздь в стенку

Очень часто на телеэкране один человек. Он лишен возможности выразить себя в действии, в контакте с другими людьми. Остается слово. Драматургия выраженной через слово мысли.

Позвольте отвлечься, привести эпизод, как принято говорить, «из жизни».

Актерам немало приходится заниматься, так сказать, мимическими упражнениями. Попросту говоря — гримасничать, кривляться. Мне — тоже. Однажды минуты три проделывал это при съеме. Минуту он смотрел с интересом, потом посуровел и в полном равнодушии отошел. Неинтересно. Долго не подходил. Вновь обрел интерес ко мне только тогда, когда я стал вбивать гвоздь в стенку. Такое простое, нужное, жизненное дело.

Наверное, ребенок — потенциально наилучший, самый благодарный, точно понимающий телевидение зритель. Он не уходит, когда видит что-то осмысленное, происходящее на глазах: отец—новое дело — вколачивает в стенку гвоздь; не тяпнул бы по пальцу... А когда я гримасничаю, словно маску надеваю, в этом нет осмысленного жизненного действия, нет гвоздя в стенку...

Человек, который выступает перед телекамерой, должен уметь «вколачивать гвозди». Иными словами, нужна для него драматургия собственной мысли, рождающейся при нас, в чем-то шероховатой и не до конца оформленной, как все живое. Все знают: мысль, выраженная в такой форме, способна максимально подчинить себе зрителя.

Артур Миллер заметил где-то, что телевидение превращает в актеров всех — от главы правительства до последнего поэта. Вряд ли следует понимать это высказывание слишком абсолютно и буквально. А так и кажется, что многие выступающие по телевидению взяли за правило миллеровские слова...

Читаю в газете международный комментарий. Чертовски умно и интересно. Ага, вечером предстоит встреча с автором статьи на экране. Жду. Верю: познакомлюсь с интересным, остро мыслящим человеком. И ошибся. Скучно, отрепетированно прочитал он свой текст наизусть. Мысль, отлитая в гладкие, безэмоциональные формы, оставила меня равнодушным. Индивидуальность автора осталась нераскрытой. Не верилось, что это тот самый человек, статью которого я прочитал в газете.

Создалось впечатление, что взял он гвоздь, уже забитый в стенку, и пытается при мне его опять туда вставить, делая при этом вид, что вколачивает его впервые!

Клетка и организм

Это ведь всегда так — плохие привычки складываются быстро, сами собой, под влиянием «текучки»... Может, не стоит превращать их в традиции?

Актеры театра приходят на телевидение. Не буду говорить о том, нужны ли ТВ свои актерские силы. Это особая тема. Возьмем факт, как он есть.

Многие ли из моих коллег говорят о сыгранных на телевидении ролях с таким же пылом и страстью, как о своих ролях театральных?

Тут не лишне признаться, что девять лет назад, не будучи еще человеком вполне сложившимся и зрелым, я сыграл на телевидении две-три роли. Была радость оттого, что инсценировка «Продолжение легенды» представляла собой хороший драматургический материал. Это был рассказ о времени, проблемный, гражданственный, хотя и со значительными художественными издержками. Участвуя в телепостановке «Рисунок карандашом», я встретился с людьми ищущими, пытливыми. И все же, как я скоро осознал, мое «везенье» было призрачным.

В телевидении, как и во всяком творческом деле, необходимо, чтобы первая встреча для молодого человека окончилась победой. Об этом надо заботиться, это надо готовить. Считать победой мои первые пробы на ТВ я не мог. Ко мне предъявлялись требования минимальные, мизерные, критерии оценок были явно заниженными. То, что мне предлагалось, не ставило передо мной значительных творческих задач, только профессиональные — выучить текст роли. Удовлетворения, которое дает театр, даже когда бьешься над ролью и она упорствует, не дается, здесь не было. Поэтому я и расстался с ТВ до лучших времен.

Но пусть случившееся со мной — частность, исключение.

Актеры театра все-таки приходят на телевидение. Одни приносят традиции своего коллектива и, опираясь на них, добиваются честного профессионального успеха. Так делают питомцы Г. Товстоногова, которые, как правило, приходят на ТВ «кучно», сложенным ансамблем и в любой телевизионной работе сохраняют свою индивидуальность, завидную непохожесть на кого-либо.

Другие просто отдают уже наработанное. Мне кажется, что вахтанговцы, крепкий, профессиональный коллектив со своим лицом, своими традициями, нещадно, потребительски эксплуатируются на ТВ, как порой эксплуатируются недра, леса.

Актер обычно силен тем, что он составляет ячейку сильного творческого организма. Редким исключением оказываются актеры, умеющие сохранить индивидуальность даже в обезличенной среде. Один из таких актеров, на мой взгляд, Юрий Эрнестович Кольцов. В самом себе носит он и режиссера, и драматурга, ему есть что сказать, потому-то так очевидна крупность сделанных им на телевидении работ — в телепостановках «Седьмой спутник» и «Теперь пусть уходит».

Понимая эту истину: актер — клетка творческого организма, ТВ старается приглашать для постановок сразу ансамбль сработавшихся в одном театре актеров. Коллектив людей, друг друга знающих, умеющих друг друга поддержать. И это очень верно. Но при этом ТВ должно четко видеть лицо, направление, стержень, традиции каждого коллектива и разумно, расчетливо использовать добытое театром. Развивать с театром уже найденное им. Давать для решения задачи, в чем-то сходные с теми, которые решались, решаются в этом коллективе сегодня.

Я думаю, что бережный творческий подход к сложившемуся актерскому ансамблю, учет его возможностей и интересов, а не просто потребительское использование уже наработанного должны стать одной из лучших традиций телевидения.

СКОРО, очень скоро откроется останкинский телецентр. Начнется Большое телевидение. Поэтому проблема творческих традиций ТВ приобретает особое значение. Всем нам хочется, чтобы 535 метрам высоты уникальной башни соответствовали подлинные творческие высоты.

тире, семье — с серьезными мыслями. Словом, самодеятельностью все более занимаются люди очень юные, те, у кого еще ни забот, ни хлопот, но и ни особой ответственности.

Забыли еще сказать: в хоре еще «допевают» и в спектаклях еще «доигрывают» могикане — давние бессменные любители, фанатики. Они среди молодежи чувствуют себя несколько неловко, жалуются на «теперешних» — никакой преданности родному коллективу, а про себя иногда сознаются: поотстали мы. Это осколочки от некогда блестящего зеркала, от тех времен, когда самодеятельность бурно шла в гору, вовлекая всех и вся. От деревенских посиделок, от тихих заваленок на городской окраине народная талантливость шагнула на клубные подмостки, на всеобозрение и всеобщую радость. Это было огромное завоевание.

Но, не зачеркивая наших побед, посмотрим все же: а теперь что? И в особенности: а дальше что? Чем должно сейчас и впредь питаться могучее самодеятельное древо? И какое место должно оно занимать в густом лесу, вокруг него за эти годы поднявшемся?

Возникли ведь десятки людских интересов, ранее незначительных, едва заметных. И только сектанты от самодеятельности могут сердито называть их соблазнами. Не воевать с ними, а радоваться им надо. И обязательно их учитывать, а с этим пока особенно слабо.

Если приводить примеры, то неизвестно, с чего и начинать — глаза разбегаются. А в клубе все, как десять лет назад: тот же стандартный комплект кружков, тот же небогатый выбор. Вот с самой поверхности случай: в клубе льночесальной фабрики провели хоккеек. Не велико открытие, кажется. Кое-где и хоккеики обросли уже штампами. А здесь он проводился впервые. И какой успех! Сколько разговору!

Еще форма, тоже для многих пройденный этап. Это КВН. И тоже в Ржеве у него история только начинается, популярность необыкновенная, никого, заметьте, не арканя не тянут, сами валом валят.

Ищущие, думающие культпросветчики уверяют, что нет такого самого личного, самого «для себя» увлечения, которое нельзя было бы превратить в общественно полезное и общественно значимое, если действовать умело и тонко. И любителей сверхмодных танцев можно объединить, и тугодумов-рыболовов, и рукодельниц — всех! Жутко вымолвить, но даже охотников за солеными анекдотами можно сплотить и «выпрямить»...

Не зная, чего хотят люди, предлагая им что-то не совсем отвечающее или совсем не отвечающее их потребностям, мы их упускаем, теряем на них влияние. Казним «потребительство», а о потребителе знаем очень немного. Знаем только, что он не в восторге от нашего рациона. А что его в нем не устраивает? Состав? Или, может, способ приготовления? И чего он хочет?

Это вне любительского коллектива. А что внутри?

Самодеятельность — понятие единое. Но приходят в нее разные люди.

Одними движет глубокая, проверенная страсть к искусству.

Другие ищут развлечения.

Одни чувствуют в себе творческий дар и стремятся его развить.

Другие о призвании много не задумываются. Их цель — содержательный досуг.

Одни тяготеют к профессиональному искусству. И если при городской музыкальной школе открывается хоровая студия, они устремляются туда и учатся наравне всем трудностям.

Другие ближе к неорганизованному, домашнему исполнительству. Минимум времени, минимум усилий — непременное условие. Иногда даже репетиции в клубе превышают этот минимум. И они просят: пришлите баяниста в цех — с удовольствием попоем в перерыв.

Различны потребности, различны мотивы — и все различно, совпадений не найдешь. Если первые мечтают о многочисленных концертах, о широкой аудитории, то вторым выступать часто — утомительно и ни к чему, а в зале им лучше, чтобы сидели свои, кого можно не стесняться. Если первые ни в каких льготах не нуждаются и даже, наоборот, согласны платить за занятия, то вторые крайне чувствительны ко всяким побочным поощрениям. Если первых способен привлечь и удержать только требовательный, стоящий на строгих профессиональных позициях руководитель, то вторых такой, напротив, может отпугнуть...

Но самодеятельность — не только единое понятие, но и единая система кружков и коллективов. Различия между участниками не учитываются никак и ни в чем. И те, и другие в чем-то ущемляются, чего-то очень важного для себя не получают — на то и уравниловка!

Если проектировать развитие самодеятельности не по умозрительным, а по ее самой диктуемым законам, уже в предварительных прогнозах возникнут коллективы по меньшей мере двух совершенно различных типов. И подходить к ним следует совершенно по-разному — с разными критериями, с разными мерками, с разными требованиями.

Людей, безоговорочно преданных искусству, много, но не слишком — число их ограничено хотя бы той пропорцией, в которой урождаются среди прочих смертных выраженные таланты. Поэтому коллективам, объединяющим таких людей, вряд ли есть резон делать ставку на массовость. Зато от них можно требовать серьезной учебной работы, зримого творческого роста, можно ожидать, что в культурную жизнь города они внесут ощутимый вклад.

А коллективы другого рода, сложившиеся во имя интересного провождения времени... Тут надо еще смотреть и изучать, с ходу ничего не скажешь. Ведь самодеятельность, все мы согласны, прежде всего — средство. Средство эстетического воспитания, духовного объединения людей, выращивания их в атмосфере коллективизма и общественной активности. Могучее средство, эффективное средство... Но разве единственное?

Вот здесь-то и должно начаться изучение. Если выяснится, что самодеятельность — одна из равных форм массовой организации досуга и и место ей в клубной жизни должно быть выделено соответствующее: почетное, но в общем ряду. Если же будет установлено, что достойных конкурентов у самодеятельности нет ни среди клубов по интересам, ни среди иных любительских объединений — вот тогда только и можно кидать громкий клич: все во имя самодеятельности! Но опять-таки — разрабатывать программу в строжайшем соответствии с наличными интересами, потребностями и возможностями людей.

Динамическое, подвижное равновесие между «спросом» и «предложением», между интересом и формами его удовлетворения — по-другому сегодня ничего не получается. И в самодеятельности, как мы видим, тоже.

Всесоюзный фестиваль самодеятельности и праздничной своей атмосферой, и совокупностью организационных усилий сглаживает, скрывает от глаз эту назревающую проблему. Но забывать о ней все же неблагоразумно. Не поймем, откуда — не будем знать, куда.

РЖЕВ.
Калининская обл.

ЛЮДСКОЙ МИР В ДЕКОРАЦИИ

Ю. ГОЛОВАЩЕНКО

В ЛЕНИНГРАДЕ показана выставка советского декорационного искусства в театре и кино за пятьдесят лет. Свыше девятисот экспонатов демонстрируют искусство крупнейших петербургских мастеров-живописцев, работавших и для театра, таких, как А. Бенуа, А. Головин, Б. Кустодиев; творчество ленинградских советских художников — Н. Акимова и В. Дмитриева, Н. Альтмана и М. Левина и целой плеяды тех, кто прошел свой путь вместе с ними; наконец, совсем молодых, только начавших свою творческую жизнь. И потому на выставке можно воочию видеть традиции русской, реалистической школы художественного оформления спектакля и фильма, а прежде всего — кристаллизующиеся традиции советских художников сцены, лучшие черты современной театральной декорации, ее богатую и многогранную поэтику, как она определилась за пятьдесят бурных лет.

Принцип отбора определялся, очевидно, современным взглядом на театр. То, что ушло, не выдержало испытания временем, на выставке не демонстрируется. Редко-редко мелькнут на том или ином эскизе «ушки» вульгарного социологизма, редко-редко тот или иной экспонат напомнит о сухом, абстрактном конструктивизме. Однако это не означает, что не показано богатство творческих индивидуальностей, многообразие художественных исканий и явлений. Напротив, здесь есть и так называемые «левые» произведения, и те, что можно назвать «традиционными» в узком смысле слова.

На эскизах Л. Чупятова к балету «Красный вихрь» (1924) стремление к монументальным формам героического спектакля выражено своеобразно. Здесь мир предстает в скупых линиях и доминирующем ярком цвете. Тут условность театральной декорации до предела обнажена, достоверность изображения уступает место выраженной пространством и цветом эмоции.

А на эскизе В. Дмитриева к «Бесприданнице» (1929) человеческая жизнь показана детализированно, хотя детали отобраны со строгим и взыскательным лаконизмом. Красное платье Ларисы как бы пылает в затемненной атмосфере душной комнаты, где раскрытое окно, кажется, не пропускает воздуха; за окном — здания, типичные для российской провинции, словно преграждают доступ свежести. Впечатление трагического одиночества, жестокой судьбы усиливается благодаря тому, что фигура Ларисы, стоящей анфас, со спины отражена и как бы повторена зеркалом. Декорация полна социально-психологического содержания.

Противопоставление этих столь различных решений характерно не только для двух видов театрального искусства (балета и драмы), не только для разных жанров сценического зрелища и различной тематики. Оно позволяет усмотреть позиции театральных художников, идущих разными путями. На мой взгляд, оба пути оказались закономерными, каждый принцип внес свой вклад в развитие советского художественного творчества.

В 1927 году в связи с первой выставкой нашего театрально-декорационного искусства, А. Головин писал: «Самые спорные опыты все же лучше, чем чисто реставраторские постановки, имитирующие тот или иной исторический стиль, но не дающие театру поступательного движения». На нынешней выставке сделалось ясно, как обогащено творчество театральных художников экспериментами истекших пятидесяти лет. В частности, если в свое время противопоставляли «зрелищность» и конструктивизм (и действительно в 20-х годах живописца на сцене заменял как бы некий инженер), то теперь конструкция, как смелая композиция сценического пространства, стала основой многих и многих декорационных решений. Именно конструктивизм окончательно разрушил старинный павильон, так сужавший возможности театра, и приучил к сценической площадке, где события возникают в самых различных ракурсах и само пересечение плоскостей создает художественный образ. Разве не благодаря неожиданной точке зрения, с которой тот же В. Дмитриев показал на эскизах к «Борису Годунову» кремлевские стены (их башни и купола Василия Блаженного исчезают в глубокой дали), картина народного безмолвия, таящего еще нераскрытые, лишь зреющие силы протеста, приобрела эпический, могучий характер? Когда на ленинградской выставке смотришь современные типы сценической конструкции, видишь всю ценность использования единой волей приемов архитектора, живописца, скульптора.

Макет декораций к «Гамлету» Н. Альтмана — не только чудо работы по дереву, это сложная конструкция, где лестницы, переходы, барельефы, статуи создают атмосферу, в которой мечется датский принц. Макет жизни. Торжественная площадка для «Маленьких трагедий», созданная А. Босулаевым, или строгая площадка для «Совести» в макете А. Мелкова, площадка для публицистического диспута или суда — это тоже примеры современных конструкций, выразительных в своем лаконизме.

Знаменитые эскизы Б. Кустодиева к «Блохе» по Лескову откровенно приближали спектакль к балагану, к народному зрелищу, «лубок» здесь насыщен неистощимым юмором, озорной, жизнерадостной насмешкой, весельем, льющимся через край. Но одновременно приобщаются русские художники к новым темам: у В. Шуко на эскизе к «Орлиному бунту» восставшая сермяжная Русь запечатлена в едином порыве народной массы, особенно экстатичной на фоне небесного зарева. Новые темы несут с собой новую красоту: так, А. Рыков на макете к «Плотине» (1931) показал, что техника, схваченная даже в самых простых атрибутах, приметах стройки XX века (вышки, подъемные краны, телеграфные провода), может образовать индустриальный пейзаж, может передать черты эпохи созидания.

Выставленные работы передают драматический конфликт, «зерно спектакля», его смысл и тенденцию.

Когда И. Вускович создает декорацию для трамовской пьесы «Клеш задумчивый» (1930), его интересует в изображении общежития не быт, а душевное состояние героев и связь их с коллективом молодежи. С. Мандель в сгущенных красках своего эскиза к «Поднятой целине» (1963) заставляет почувствовать, что вот-вот развернется, не может не развернуться сложная жизнь деревни, покуда скрытая.

В одном случае смысл передан картиной целого, в другом — отдельными деталями. На выставке красноречив в этом смысле пример творчества М. Левина. Его знаменитый эскиз к «Улице радости» (1932) показывает колодезь, образованный тесно сдвинутыми домами огромного холодного города, чьи стены обагрены заревом заката, кажется, чудом проникшим в мертвенный мир камня и кирпича. Но вот другой М. Левин, менее известный нынешнему поколению, сумевший только изображением одноцветной завесы с одной тяжело падающей кистью на фоне мрачной глубины создать атмосферу трагедийной тревоги, — таков его эскиз к «Человеку, который смеется».

Само сочетание фактуры материала — солома, камыш, суровая ткань — помогает С. Юнович воплотить в макете тот трагический мир задворков огромного города, мир человеческой нищеты, где тщетно бьется героиня «Доброго человека из Сычуани», подобно тому, как различный колорит в декорациях, костюмах, предметах «Царской невесты» позволяет художнице рассказать о мрачной жизни, надеждах, мечтах, борьбе и гибели героев классической оперы. Именно цвет прежде всего захватывает на эскизах М. Щеглова к фильму «Первороссияне».

Многообразие реализма утвердилось на советской сцене. То, вокруг чего в иные времена шла ожесточенная борьба, теперь восторжествовало. Ленинградская выставка красноречиво говорит об этом. Она говорит об упорстве творческой мысли, о ее непрестанных поисках, о богатстве нахождений, о множественности экспериментов и опытов.

Как ни у кого другого, проявилась на выставке в работах Н. Акимова неистощимость фантазии, бесконечное разнообразие художественных приемов декорационного искусства. Блестящий рисовальщик, мастер колорита, он глубоко проникает в социально-психологический мир людей. Его эскиз к «Валенсианской вдове» продемонстрировал, что только два «крайних» цвета — белый и черный — могут переливаться бесчисленным множеством оттенков, изображая сверкание южной ночи; только человеческие головы в париках эпохи великой французской революции, возникающие из сине-черной тьмы так, словно на лица людей упали отсветы фонарей или факелов, могут на эскизе к «Робеспьеру» не только рассказать о сцене голосования в конвенте, но передать образ спектакля. Несколько скульптур на балюстраде (на макете к одной из пьес Евг. Шварца) говорят о множестве видов низкопоклонства и угодничества (по-акимовски беспощадно изображены приседающие, коленопреклоненные, вставшие на корточки подобия людей, подползающих к пустому креслу). А в центре другого макета восстающая из морской глади коралловая фигура говорит о гармонии, о силе жизни.

Цвет, рисунок, скульптура, конструкция служат раскрытию образов, каждый раз по-своему демонстрируют возможности и права реализма. Краски на эскизах В. Доррера — тончайшие оттенки сиреневого, на котором возникают еле уловимые, легкие серебристые абрисы полумесяцев и звезд, словно вибрируют на эскизах к «Волшебной флейте», подобно легким звукам моцартовского оркестра. И они, эти краски, заставляют не только уловить своеобразную перекличку творчества В. Доррера с искусством такого большого художника, как С. Вирсаладзе, чьи работы на выставке являются празднеством цвета, но также вспомнить мечты Скрябина о цветовой партии в симфонической музыке.

Подробное изображение, одна деталь, цветовая доминанта, утверждение линии — все это равноправно в передаче содержания сценического и кинематографического произведения. Привлекателен эскиз В. Харкеевича к «Сашке» (1940). Летний сад «выписан» с таким мастерством, изящным и выразительным, какому может позавидовать любой пейзажист. Но хочется поддержать и работы молодого Э. Кочергина, художника, который упорно, я бы сказал, одержимо пользуется лишь несколькими вещами и деталями на фоне лаконичной архитектурной конструкции для воплощения мысли спектакля, или М. Азизян, на чьих эскизах цвет и линии как бы бросают вызов привычным нормам театральной декорации, или Б. Выкова с его экспрессией в эскизах к фильму «Браслет 2». Обернемся назад: это наследники кипучего соревнования. Пусть соревнуются и сейчас, как продолжает это делать старшее поколение художников театра. Это наследники традиций, не однородных, не стереотипных. Наследники различных школ, различных тенденций, сливающихся в одном: в стремлении говорить о жизни, отражать жизнь, нести передовые идеи века.

Выставка ленинградских художников театра и кино вольется в смотр декорационного искусства всей страны. Как можно полнее показать это важное искусство за пятьдесят лет, смотреть на роль художников в спектакле и фильме как на роль самостоятельную, видеть в них творцов, хотя и обязанных раскрыть общую для всех создателей кинематографического или театрального произведения цель, — это значит помогать углублению их творчества. Утверждать их право по-своему показывать людской мир.

ЛЕНИНГРАД.

БРАТЬЯ ВАСИЛЬЕВЫ

В КИНОТЕАТРЕ Госфильмофонда проходила ретроспектива фильмов братьев Васильевых, приуроченная ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота и 80-летию со дня рождения Чапаева. Зрители познакомились с произведениями выдающихся советских режиссеров — фильмами «Чапаев», «Волочаевские дни», «Фронт», «Герои Шипки», сохранившимися фрагментами «Спящей красавицы» — первой игровой ленты Васильевых, с документальной картиной, посвященной их творчеству.

Успех ретроспективы замечательных художников — еще одно свидетельство неослабевающего интереса зрителей к произведениям, вошедшим в золотой фонд советского киноискусства.

Я ОЧЕНЬ РАД, что память о братьях Васильевых не только не стирается, но, напротив, интерес к ним все больше возрастает. «Чапаев», по-моему, — превосходная картина, и главная роль в ней гениально сыграна Бабочкиным. Этот фильм навсегда вошел в историю. Имя Чапаева, не только героя гражданской войны, но и героя этого фильма, стало примером для советских людей. На него равнялись и в бою, и в творчестве. В чем же неувядаемая прелесть этого образа? Это не обычный, красивый, положительный киногерой. Он был ершистый, сложный, противоречивый. Вот таких живых героев, а не надуманные схемы хочет видеть зритель на экране. Вот чем прекрасен Чапаев.

Но не одним «Чапаевым» замечательны братья Васильевы. Это были радостные, жизнелюбивые, светлые художники. Все их картины удивительны. Во всех них режиссеры опирались на актера. Это были в лучшем смысле актерские режиссеры. Они любили актеров, потому что они любили людей. И потому такие прекрасные актерские качества раскрывались у тех, кто играл в их фильмах. Вспомните потрясающего Свердлина, создавшего образ врага в картине «Волочаевские дни», Чиркова, блестяще сыгравшего в картине «Фронт», и многих других.

Картины Васильевых требуют постоянного серьезного изучения, чтобы каждое новое поколение знало и биографию, и творческий путь их. И следует приветствовать работу Дарьи Ширкан, создавшей ленту о замечательных режиссерах. Ей пришлось преодолеть немалые трудности. Фильм, созданный ею, по-моему, представляет огромный интерес. На экране возникает живой образ художников, узнается их нрав.

На большом пути истории советского кино еще не все вехи верно проставлены. С каждым годом мы будем выяснять, проверять, уточнять подлинную значимость творчества мастеров нашего кино. Фильм, созданный Дарьей Ширкан, поможет лучше понять творчество братьев Васильевых и тем, кто хорошо с ним знаком, и молодежи, познающей его впервые.

Я думаю, что фестиваль фильмов Васильевых надо устраивать не только в связи с юбилейными датами, но ежегодно. И каждый год зрители будут по-новому оценивать их работы, но они навсегда останутся современными. Потому что в них живет вера в людей, в замечательный великий советский народ. В них — гениальные черты большого художественного понимания русской культуры. В них — прекрасное предвидение будущего. В них — умение поднять искусство кино до предельно выразительного художественного синтеза. Это действительно замечательные произведения.

Григорий РОШАЛЬ,
народный артист РСФСР.

В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЫЛИ...

реплика

НЕДАВНО мы отмечали одну из самых трагических дат в истории человеческой культуры — 130 лет со дня гибели Пушкина. Но вот, раскрыв 10 февраля большой перекидной календарь, я с величайшим изумлением обнаружил, что листок этого дня девственно чист, если не считать данных о восходе и заходе солнца. «Занят солнцем нашей поэзии», как назвал гибель Пушкина один из тогдашних журналистов оказался забытым. Может быть, редактор календаря Н. Маслова не симпатизирует Пушкину?

Тогда я обратился к отрывному календарю на нынешний год. И тут меня ожидало новое разочарование. Его редакторы составители И. Аксенова, Ф. Строкина и Л. Филатова поместили на листке 10 февраля волнующую заметку под названием «Рыбье имя». Наверное, нас решили познакомить с новыми исследованиями в области биографии Золотой рыбки? Нет, к волшебной рыбке это не имеет никакого отношения.

Возникло предположение: а что если составители и редакторы редакции календарей Политиздата просто не хотят огорчать нас упоминанием чьих-либо смертей и заботливо стремятся, чтобы в нашей памяти оседали одни лишь приятные, радостные события? И это абсурдное предположение пришлось отбросить. В календаре сообщается о данных смерти Стендаля, Кваренги, Костюшко, шотландского математика Непера, Фарадея.

Пушкин писал об Онегине:

Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли.

Кажется, Онегин в этом не одинок...

Юрий АЛЯНСКИЙ.
ЛЕНИНГРАД.

P. S. К слову сказать, мне, как ленинградцу, странно и обидно также и другое. Почему в новом большом перекидном календаре ни звука не сказано о том, что 18 января 1943 года совершился прорыв, а 27 января 1944 года — полное снятие вражеской блокады Ленинграда? Или для того, чтобы редакция календарей решилась наконец-то пойти об этом людям, надо, чтобы со дня свершения всенародного подвига прошло непременно 100 лет?!

Ю. А.

ВЕРЬТЕ ШЕКСПИРУ!

70-летие со дня рождения М. МОРОЗОВА

Я ЕЩЕ НЕ БЫЛА ЗНАКОМА с Михаилом Михайловичем Морозовым, но уже знала и любила его по портрету Серова.

«Мика Морозов» была одной из самых любимых картин моего детства. В этом портрете ребенка, сидящего в деревянном кресле, поражала стремительность внутреннего движения, громадная ребяческая взволнованность. Эту же стремительность, острый взгляд, темперамент и волю я узнала в Михаиле Михайловиче, когда мы встретились с ним впервые в работе над «Как вам это понравится» Шекспира.

Николай Павлович Хмелев предложил мне ставить совместно с ним одну из комедий Шекспира. Он охотно соглашался на любую комедию по моему собственному усмотрению. Но когда я предложила «Как вам это понравится», Хмелев заколебался.

Мое же увлечение пьесой становилось все более определенным, и мы решили, что надо посоветоваться со знатоком Шекспира.

Я знала, что известный шекспировед Морозов — тот самый, с детства мне знакомый серовский Мика Морозов. Но я не думала найти сходства. Прошло более тридцати лет. И вдруг я увидела, что передо мной стоит большой немного грузный человек, в глазах которого было что-то поразительно напоминавшее мальчика рвущегося куда-то со стремительной энергией вперед.

Что-то самое существенное в будущем человеке схватил Серов, и что-то самое существенное в себе сумел пронести через всю свою жизнь Михаил Михайлович.

Морозов не только поддержал меня в выборе пьесы — он буквально обрушил на меня такие запасы жизнерадостной веры в то, что именно данное произведение ждет своего воплощения на сцене, что я ушла от него счастливой и уверенной.

Он говорил о действующих лицах так, как можно говорить о своих знакомых, с которыми постоянно общаешься. Одних он любил, других ненавидел, к третьим относился с уважением, четвертых презирал...

Морозов помогал нам раскрывать душу произведения, не только уточняя текст Шекспира. Он с необычной чуткостью проникался и одновременно влиял на замысел режиссера и художника.

Помню один из самых первых прогонов спектакля.

И Хмелева, и меня беспокоила комедийная сцена Корина — Лекарева и Шута — Фивейского. Она казалась нам не смешной. Реакция Михаила Михайловича поразила нас. Он громко, от всей души смеялся.

— Вы думаете, публика будет принимать эту сцену? — спросили мы с сомнением.

— Верьте Шекспиру! — уверенно ответил Михаил Михайлович. Он оказался прав.

Я навсегда запомнила слова Михаила Михайловича: «Верьте Шекспиру». И глубоко убеждена в том, что все наши удачи в области постановок шекспировских пьес и все недостатки зиждятся на одном: вникали ли мы или нет урок, преподанный нам, советским режиссерам и актерам, Михаилом Михайловичем Морозовым.

Верьте Шекспиру!

М. КНЕБЕЛЬ.

Ответы и отклики

МАСТЕРА ПОЛУЧАТ КВАРТИРЫ

(«СК» № 153 от 24 декабря 1966 г.).

В статье Е. Кончина «О кости, дереве и опыте о сувенирах», опубликованной в «Советской культуре», говорилось о тяжелых жилищных условиях художников и резчиков Тобольской фабрики художественных изделий.

Редакция получила ответ от заместителя председателя Тюменского облисполкома В. Степанова (ранее газета публиковала отклик на эту статью заместителя начальника Главного управления народных художественных промыслов и производства сувениров Н. Комышкина), в котором он сообщает, что статья «О кости, дереве и опыте о сувенирах» обсуждалась в Тобольском горисполкоме. В этом году фабрика будет переведена в новое помещение. Принято решение освобождающееся здание переоборудовать под жилые квартиры, которые предоставить работникам фабрики. Кроме того, Тобольский горисполком с 1968 года будет выделять специалистам фабрики по две квартиры в год в благоустроенных домах.

МИР ОБ ОКТЯБРЕ

А. ЛЮБАРСКАЯ, кандидат филологических наук

«НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ РОССИИ...»

Английский писатель Артур Рансом, очевидец первых лет становления Советской власти — автор сенсационных репортажей в английских и американских газетах.

Художник правдивый и мужественный, которому давал интервью Ленин, был потрясен размахом истинной культурной революции в Советской России.

На весь мир звучал вдохновенный рассказ Рансома о том, как голодная и нищая, охваченная войной Россия жадно тянулась к просвещению, культуре.

ИХ БЫЛО в купе четверо: швед, два норвежца, англичанин. Четыре корреспондента четырех буржуазных газет. Резко распахнулось дверь. Кто-то бросил на ходу:

— Слышали? В Петрограде бунт! Советы пали!

— Бунт? — переспросил швед. — Так, может, повернем назад, господа?

— Давайте подсчитаем, — спокойно возразил англичанин, — сколько раз в Англии, да и в Швеции хоронили Советскую власть. Однажды я заинтересовался этим и, представьте, сбился со счета. А Советы — удивительная вещь! И не думают умирать.

За окном показались дома. Поезд медленно остановился. Несколько сот метров журналисты шли вдоль рельс. Вышли к маленькому деревянному мостику. Здесь, вдоль замерзшей реки, тянулась государственная граница. Финский офицер вышел на середину скрипевшего под ногами моста, начал читать фамилии.

Перешел по ту сторону реки швед, за ним последовали норвежцы. Настала очередь и англичанина. «Мы пошли вперед к борющейся за свое существование новой цивилизации России, — записывал он несколько часов спустя. — Перейдя мост, мы попали из одного мироощущения в другое...».

Так в 1919 году вступил на советскую землю Артур Рансом. Тот, кого впоследствии называли «лучшим детским писателем Англии».

Россия рано овладела помыслами англичанина из Йоркшира. Сын преподавателя истории Лидского университета, автор книг об Эдгаре По и Оскаре Уайльде впервые приехал в Россию в 1915 году. Увлеченный красотой и богатством русского языка, он изучил его и составил собрание народных русских сказок. Ему, резко осудившему империалистическую бойню, была близка, как вспоминал он впоследствии, психология народной русской сказки, ее миролюбие, ненависть к войне.

Конец 1917 — начало 1918 года вновь застало Рансома в России. Только что отгремел величественный залп «Авроры». Горячее сочувствие вызвал он у честных, свободомыслящих людей. Волной злобы и клеветы ответил буржуазный Запад. Враги Советской республики сделали все, чтобы исказить смысл великого исторического события, умалить его значение.

«Единственным светом среди тьмы невежественных, падких только на сенсации корреспондентов» — назвала материалы Рансома 16 мая 1918 года «Правда».

Мы перелистываем пожелтевшие от времени, разрозненные книжки американских и английских журналов, страницы газет. То с одного, то с другого листа смотрит на нас имя Артура Рансома. Вот, наконец, то, что мы искали, — документ, датированный маем 1918 года: «Письмо в Америку» из Москвы Артура Рансома — честное и правдивое свидетельство очевидца.

«Я хочу, чтобы люди, раздвинув завесу клеветы, окружающую большевиков, — писал Рансом, — увидели, что идеал, за который те сражаются, относится к числу маяков, светящих каждому человеку с молодым и чистым сердцем на его жизненном пути... Они вписали в историю человечества самую мужественную страницу из всех, какие я помню. Они вписывают ее, обливаемые потоками грязной клеветы, исходящей от душ, более низких в их собственной стране, в вашей и в моей... Но когда все будет кончено, грязь исчезнет, и эта страница будет бела, как ослепительно сверкающие на солнце снега России, которые я видел из своих окон в Петрограде. И когда спустя много лет люди прочтут эту страницу, они вынесут приговор в зависимости от того, помогли мы или помешали написать ее...».

СНОВА и снова в своих корреспонденциях из России возвращается Рансом к мысли о том, что великие события Октября открыли в России эру еще одной революции, революции культурной, раскрепощающей сознание человека, раскрывающей его способности, его творческий дух. Это объясняется «творческим духом самой революции», — свидетельствует Рансом. В ней живет то, что отличает творца от рядового художника: творческая сила, до сих пор таившаяся в глубине сознания человечества.

Вернувшись в 1919 году в Россию, Рансом немедленно шлет гневную отповедь тем, кто на его родине и в Америке сочиняет небылицы о «гибели русской культуры». Он возмущенно пишет о буржуазной прессе, которая утверждает, что в России закрыты все театры. Какая ложь! «Люди в Москве, нет сомнения, голодают, но театры работают, и они переполнены».

Стремясь передать биение пульса культурной жизни революционной России, Рансом переписывает из театрального бюллетеня середины лютого февраля 1919 года репертуар московских театров и посылает его в редакцию своей газеты.

«В Большом опером: «Садко» Римского-Корсакова и «Самсон и Далила» Сен-Санса; в Малом государственном театре: «Бешеные деньги» Островского и «Старик» Горького; в Московском Художественном театре: «Сверчок на печи» Диккенса и «Смерть Пазухина» Салтыкова-Щедрина; Народный дом: «Дубровский» Направника и «Демон» Рубинштейна; Замоскворецкий театр: «Гроза» Островского и «Мещане» Горького; Народный театр: «Чудо святого Антония» Метерлинка; Театр имени Комиссаржевской: «Рождественская песнь» Диккенса и «Проклятый принц» Ремизова; Театр Корша: «Много шума из ничего» Шекспира, «Мизантроп» и «Жорж Дандин» Мольера; Театр драмы и комедии: «Крошка Доррит» Диккенса и «Королевский брадобрей» Луначарского...

«Вот, — торжествующе говорит Рансом, — неполный перечень спектаклей, которые москвичи могли увидеть здесь только за два дня — 13 и 14 февраля. И каких спектаклей! Этот репертуар можно сравнить только с репертуаром французских театров во время Великой французской революции».

Рансом — частый гость московских театров. Трудно сказать, что больше интересует английского корреспондента — зритель или сцена. В зале, который когда-то блистал золотом галунов, ослеплял роскошью туалетов, он видит людей, скромно и просто одетых, тех, «кому в старое время приходилось ждать, пока они с трудом скопят гроши, чтобы приобрести место под самым потолком». В ложе, рядом с Рансомом сидит группа женщин-татарок в традиционных белых платках. До революции им вообще был заказан вход сюда. Тем сильнее трогает Рансома реакция зрителей, сидящих в холодном, нетопленом зале и слушающих оперу Сен-Санса:

«Время от времени сцена и зал, казалось, сливались воедино. Ибо опера «Самсон и Далила», по своей сущности не что иное, как революционная поэма, замечательно выигрывающая от того, что ее ставят люди, каждый из которых видел нечто подобное в действительности».

В Художественном театре, в Первой студии, в маленьком зале, где зрителей чуть ли не вдвое больше, чем он может вместить, Рансом смотрит чеховского «Дядю Ваню». И здесь его не покидает мысль о кардинальных переменах, которые принесла с собой революция: «Эта пьеса, поставленная сегодня, воспринималась как рассказ о далеком прошлом. Между сегодняшней действительностью и жизнью, которой жили герои пьесы, словно зевала пропасть. Изображенная в ней жизнь канула в вечность... Таких людей больше нет. Одних, не способных отдать жар своего сердца революции, она сломала и отбросила в сторону. Других, и их большинство, увлек с собой бурный революционный поток, и они получили возможность работать так, как они никогда не могли и мечтать... Им она принесла новую жизнь».

Снова и снова дневник Рансома пополняется размышлениями о судьбах искусства и революции. О двух вещах говорит ему еще раз чеховская пьеса в постановке Художественного театра. О том, что эта революция, которая «совершилась бесповоротно и навсегда», — единственная справедливая и необходимая для народа России. Думал он и о том, что «Чехов — поистине великий художник. Великий потому, что его творения, как мост, пролегли над пропастью между старым и новым и производят на сегодняшнюю ... революционную аудиторию такое же сильное впечатление, какое они оказывали на совершенно другую аудиторию пять лет назад. Революция даже словно обострила восприятие этой пьесы, наделив ее еще большим оттенком иронии, чем имел в виду Чехов».

В СТАРОМ рваном полушубке, в высокой меховой шапке ездит по стране английский корреспондент. «Знают ли в Англии, в Америке, как голодная, нищая Россия тянется к свету, просвещению, культуре?». И продолжает: «Там, где раньше было шесть университетов, теперь 16, причем большая часть их создана по инициативе местных Советов — в Астрахани, Нижнем, Костроме, Смоленске, Тамбове и в других местах. Число учебных заведений в Москве, не считая школ, возросло за два года революции от 369 до 1.357. Число студентов в университетах значительно увеличилось...». На лекции, рассказывает Рансом, приходят и рабочие. Приходят толпами, несмотря на отчаянный холод в лекционных залах, лекции посещаются тысячами слушателей».

Рансом ошеломляет английского и американского читателя цифрами, рисующими рост библиотек в Советской России. «В октябре 1917 года в Петрограде было 23 библиотеки, а в Москве — 30. Сейчас в Петрограде — 49, а в Москве — 65, не говоря уже о сотне центров по распространению книг. Такой же рост числа библиотек можно наблюдать и в районах страны. В Усольском районе, например, сейчас 73 сельские библиотеки, 35 библиотек большого масштаба и 500 изб-читален...».

Потрясающие факты сообщает в Лондон Рансом; в стране, где идет война, журналы обсуждают цели пролетарского искусства; издаются Некрасов, Гончаров, Чернышевский; выходят книги Толстого, Чехова, Достоевского, Тургенева, поэтические сборники Кольцова, научные труды Тимирязева; из провинции полился такой поток требований на художественную литературу, что нет возможности удовлетворить возросший спрос... И это в то время, когда вся страна живет впроголодь!

Рансом знакомится с учреждением, которое он называет «замечательным». Это — ведомство по распространению печати.

«Я был в его управлении на Тверской, — пишет Рансом, — и мне показали огромные карты России, на которые нанесены все центры по распространению книг. Против каждого центра стоит цифра. Таким образом, в любую минуту можно сказать, какое количество новых изданий нужно отправить в тот или иной центр». Рансом подчеркивает огромное значение, которое придает Советская власть культурной революции в стране: «Местные Советы через почтовые отделения запрашивают необходимое количество изданий, и снабжение непосредственно регулируется спросом. Книжные киоски посылают отчеты о продаже различных газет и других изданий. Это чрезвычайно важно для страны, в которой огромный спрос на книги, журналы, газеты и которая в то же время страдает от нехватки бумаги».

Рансома интересуют художественные вкусы этой огромной армии новых читателей.

«Несомненно одно, — убежденно пишет он, — никто здесь не читает сейчас душещипательных романов с добродетельными героями. Но людей интересуют не только «политическая книга, не только брошюры и книги о войне, революции, политэкономии. Читается много стихов, и много стихов пишется».

Многое из корреспонденций Рансома из России, из его московских и петроградских дневников, публиковавшихся в «Манчестер Гардиан», «Дейли Ньюс», «Нью-Стейтсмен», «Нью-Рипаблик», было издано отдельной книгой в Лондоне в июне 1919 года. Уже в следующем месяце вышло второе издание. Всего с 1919 по 1920 год книга «Россия в 1919 году» была четырежды переиздана в Лондоне и Нью-Йорке. Ее сразу же перевели и на французский язык. На весь мир прозвучали вдохновенные слова очевидца о событиях в России, о великой культурной революции, рожденной Октябрем.

В рецензии на американское издание еженедельника «Нейшн» писал 27 марта 1920 года:

«Книга мистера Рансома представляет собой искреннее, увлекательно написанное, неприукрашенное повествование о претворении в жизнь грандиозных планов социальной реорганизации. Как бы продолжая эту мысль, автор предисловия к книге подчеркивал то особое значение, которое она приобретала в те дни, когда Россию пытались предать и оклеветать».

Имя Рансома известно советскому читателю как имя человека, которому дал интервью Ленин. Это интервью опубликовано в Полном собрании сочинений Ленина. Но не только встречи с Лениным и воспоминания о нем, которые несомненно имеют огромную ценность и уже описывались (в том числе и автором этих строк), представляют интерес в творчестве Рансома. Не менее значителен и его репортаж о революции, страницы его дневников, книг, где Рансом рассказывает о Советской власти в России, ее первых шагах, просвещении и культуре молодой республики. Написанные честным, правдивым и мужественным человеком, они и сегодня остаются яркой страницей в летописи Великого Октября.

Виктор ОРЛОВ

СУББОТНИЕ УЛЫБКИ

ГЛУХОЙ ВАС СЛУШАЕТ...

НА ДНЯХ я позвонил, чтобы заказать такси. Пустяк, казалось бы, но что я пережил за эти минуты, трудно рассказать. Дело в том, что к телефону подошел глухой старик.

Он так прямо, честно и по-стариковски объяснил, что глухой и у телефона сидит потому, что девушка куда-то отлучилась на полчаса. А потом стал записывать адрес. Как это происходило, можете себе представить. Подробный пересказ нашего диалога выглядел бы неуместной попыткой рассмешить читателя. Но мне не смеяться — мне плакать хотелось.

Когда я немножко отошел, я стал размышлять. Какое чрезвычайное обстоятельство понадобилось для того, чтобы посадить глухого старика у телефона, то есть у прибора, который нужно слушать? Наводнение? Нашествие марсиан?

Ведь за то время, пока мы спорили, пока он деликатно называл меня «товарищем Ословым», а мою бедную Дербеновскую набережную попеременно — Берсеновской, Едреевской и Горбатовской, многое могло случиться. Могло расстроиться пять деловых свиданий, десять любовных и минимум одна свадьба. Глухой старик у телефона мог довести человека до инфаркта. Он мог не услышать призыва о помощи, будь тот выкрикнут даже звучным голосом артистки Козыревой.

Почему посадили глухого старика у телефона? А скорее всего — ни почему. Просто так. Сложили ладошки дудочкой и прокричали:

— Дедусь, а дедусь! Посиди пока здесь, а мы пойдем с таксистами поздороваемся.

Мне вспоминается другая история. Старый «крокодилец» Ефим Миронович Весенин иногда показывает друзьям собранный им «музей глупостей». Там есть объявление из местной газеты. Суть его примерно вот в чем. Из одного среднеазиатского колхоза ушел ишак. На поиски ишака отправлен колхозник такой-то. Все организации и всех честных лиц просят оказывать всемерную помощь товарищу такому-то, тем более, что товарищ такой-то — слепой.

Мои друзья неизменным хохотом встречают это объявление. А мне не смеяться — мне плакать хочется. Ибо не однажды мне приходилось сталкиваться с ситуациями, когда глухой вас слушает, а слепой на вас смотрит.

Вы входите в цветочный магазин. Вас встречает очаровательное явление в фирменном халатике — назовем явление Аллочкой. Встречает такой кислой улыбкой, что сразу становится ясно: Аллочка только что вместо любимой конфетки «Грильяж» проглотила старого сухого клопа.

— Ну, что вам?

— Мне бы, понимаете, цветочков...

— Ясно, что цветочков. Ну, какие! — быстро!

— Как вам сказать... Понимаете, я влюблен в одну девушку.

— Ясно. Гражданин, вы что, сказки пришли рассказывать?

— Это не сказки, что вы! Это было! Понимаете, она такая, шатенка... У нее огромные глаза и такой, знаете, очень прямой нос... Как по-вашему, какие цветы любят шатенки?

— Ясно. Псих какой-то ненормальный... — отмечает Аллочка. — Я почем знаю, какие цветы любят шатенки. Я вот сама шатенка, а по мне хоть вообще бы вся эта трава не росла. Я «Грильяж» люблю. И еще — Вячеслава Тихонова.

Аллочка не одинока в своей ненависти к цветам. Из задней комнаты магазина доносятся язвительные голоса:

— Еще пять ящиков аспарагуса прислали. Куда нам эту холеру девать?

— Да кинь ты их куда-нибудь в угол!

Не стоило бы проводить параллели... Но все-таки. Окажись наша Аллочка в какой-нибудь парижской цветочной фирме, она бы живенько научилась разговаривать. Она бы полюбила цветы — украшение жизни. С заинтересованной улыбкой она бы объяснила, что по странным законам природы шатенки с прямым носом любят гиацинты, а блондинки — пышную мимозу. Завертывая цветы в целлофан, она бы дала вам еще сто и один полезный совет относительно цветов и женщин. А не окажись у нее такой заинтересованности, она бы в два счета получила выходное пособие, а может, и его не получила бы. И закалась бы чем-нибудь другим. Скажем, продажей «Грильяжа» или распространением открыток с изображением знаменитого актера Вячеслава Тихонова. Тоже ведь дело...

Да что там Париж! Обратим взоры, так сказать, вовнутрь. В вильнюсском цветочном магазине мне с великим тщанием и любовью упаковывали какое-то розовое чудо в горшке и объясняли, как довезти, да как потом полить, да как вывести каких-то злокозненных червячков, буде они появятся. В фирменном магазинчике при сочинском дендрарии меня замучили советами. Там не я выбирал — люди выбирали мне цветы. А что? Они любили цветы. Они работали с цветами. Все очень просто.

А у нас на улице Горького все было иначе. Пришла Аллочка, окончив школу, в первую же контору с одной ярко осознанной симпатией — очень хотелось работать в центре, рядом с домом, комиссионкой и кафе «Молодежным». И с одной ярко осознанной антипатией — очень не хотелось вкалывать на швейной фабрике или ехать в этот ужасный Братск, где заставят ходить в сапогах и ватнике. А у Аллочки, между прочим, ножки...

В конторе просмотрели документы — анкета вроде в порядке. Образование подходящее. Завкадрами, ненавидящий цветы (от них, говорят, сырость и кашель по утрам), подмахнул оформление. Глухой старик, которому на цветы наплевать (все одно лучше слышать не станешь), подшил документы в папочку. И пошла Аллочка работать с цветами. И еще сорок лет будет работать — до пенсии. И ошарашивать нас откровениями насчет того, что, по ее мнению, вообще бы вся эта трава не росла. И улыбаться кисло, словно проглотила старого сухого клопа. Словом, глухой вас слушает...

Мне вспоминается эта жутковатая формула, когда вхожу в провинциальный клуб и вижу человека, которому работа с самодеятельностью прямо-таки медицински противопоказана. Его от этой работы воротит. И очень хочется опохмелиться. Ему бы сплавлять бревна, укрощать мустангов или, на худой конец, вышибать засидевшихся посетителей из пивного бара. А он вот здесь. Ирония судьбы. Трагедия жизни. Одним словом, глухой вас слушает...

Мне вспоминается эта формула, когда вхожу я, скажем, в холодноватые залы универмага «Москва» и вижу десять, двадцать, тридцать прелестных лиц, на которых написана, начертана, прямо-таки вырублена непримиримая ненависть к славному делу советской торговли.

Мне вспоминается она, когда я читаю в «Известиях» о том, что какая-то чудесная официантка из кафе «Охотник» накормила корреспондента, напоила и даже не обхамила напоследок. Какие же, думаю я, остальные, если об одной хорошей нужно специально писать в центральной газете?

Мне вспоминалась эта формула все время, пока я сидел в одном жилищном учреждении тет-а-тет с моим коллегой, симпатичным юношей, окончившим театральное училище, влюбленным в театр и его законы и высоковольтным презрением презиравшим кино. Вы представляете, каких дров он успел наломать на ниве отечественной кинематографии? Глухой вас слушает...

И насытившись этим паровозом-отзывом за день, наговорившись с цветоводами, не знающими, почему расцветают цветы, и с искусствоведами, что с казенным недоумением наблюдают расцвет искусства, я прихожу домой. И мне не смеяться — мне плакать хочется. Я ложусь спать — и тогда ясно, ярко, истово мне снится одно и то же. Мне снится, что в наших анкетах, в клистирах по учету кадров» и иных материальных документах появился один, самый необходимый пункт: «Любите ли порученное дело? Отвечать точно, подробно. Прочерки не допускаются».

Я просыпаюсь и беру трубку.

— Алло! Ты мне скажи — ты любишь свое дело?

— Ась?

— Я говорю — дело свое любишь? Дело?

— Тело? Из отдела? Какого отдела? А-а, задело! Ну, что поделаешь — село. Село и все съело. Но пока цело... Ах, ты о «Джэло»! «Джэло» ничего пело. Да, да. А сейчас не то. Сейчас «Орера»...

— Алло! Алло!

— Глухой вас слушает.

А. ЖЕЛОХОВЦЕВ

В ЦАРСТВЕ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Советский стажер-китаист Алексей Желоховцев свидетельствует и обвиняет. В конце минувшего года он вернулся из Китая, где наблюдал «культурную революцию» в действии. Он видел, как цинично обманута китайская молодежь, каким позором и бесчестьем оборачивается «культурная революция» для китайского народа.

Именем «идей Мао Цзэ-дуна» растоптаны гуманизм и человечность, издавна лежавшие в основе культуры китайского народа, под видом «сокрушения буржуазных авторитетов» топчутся и уничтожаются наука и искусство.

Факты, приводимые советским стажером, наглядно показывают всю глубину пропасти, в которую толкает китайский народ авантюристическая группа Мао Цзэ-дуна.

ПО УЛИЦАМ возят членов правительства и ЦК Китайской компартии в колпаках, с позорной доской на груди.

Объявлены «черными» творческие союзы, прекращены издания литературных журналов и книг — бумага идет на сочинения и репродукции портретов Мао Цзэ-дуна.

«Профессора «каются» перед ревущими толпами студентов. На эстраде стоит осужденный и слышит хор тысяч голосов, требующих для него: «Смерть!..».

Таковы внешние приметы китайской «великой пролетарской культурной революции».

Само это название — клубок лицемерия. Ни одно слово не отвечает сути. Прежде всего это не революция, а «установление нового порядка» (слова китайского министра иностранных дел Чэнь И, сказанные в феврале 1967 года). Во-вторых, это девальвация и разрушение культуры — всей, что была до Мао Цзэ-дуна. В-третьих, пролетариат к этому непричастен — не он ведет эту «революцию». И ничего «великого» нет в бесчестье и бедствии, постигших китайский народ.

Находясь долгие месяцы в Китае, я все время задавался вопросом: как и почему «культурная революция» стала возможна?

Мне помнится митинг в одном из пекинских университетов. Выступала Цзян Цин, супруга Мао Цзэ-дуна, одна из организаторов «культурной революции». Выйдя из машины, она пожимала сотни рук. Она была обходительна, доверительна, доступна всем и каждому. Она вела себя, словно кандидат на выборах где-нибудь в американских штатах. Она улыбалась студенческим ораторам и подносила им воду. Когда они ругали СССР, она восклицала: «Хэнь хао!» — «Хорошо!». Студенты были в восторге. И в самом деле, откуда им знать демагогические приемы политиканов, работающих «под демократию»? Ведь они всю жизнь до этого повиновались безапелляционным приказам.

А потом она выступила и сказала примерно так, что молодость выше всех и даже выше ее самой. Просто потому, что молодые люди родились и выучились в «великую эпоху председателя Мао». А все, чья жизнь формировалась до этого рубежа, запятнаны, неполноценны. Она льстила безмерно и бессовестно.

Раз нет на свете ничего выше идей Мао Цзэ-дуна, то и не стоит учиться ничему другому. Если родились при Мао, вы уже выше всех, кто родился до вас. В частности, гораздо выше ваших родителей.

— По вечерам вы должны находить время, чтобы их воспитывать, — лицемерно вещала Цзян Цин студентам, — внушать им идеи Мао Цзэ-дуна. Вы одни по-настоящему способны понять сочинения председателя!

Так внушалась идея избранничества и мессианства. Надо было только поверить, что ты по праву рождения выше всех. И за это награда: вам председатель Мао оставит наше государство...

Боже, как они кричали. Они были готовы тут же, немедленно взять государство. Ведь если устранить всех должностных лиц, столько вакансий! А главное — разрешалась деятельность, рождалась иллюзия самостоятельности и собственной значимости.

ОКАЗАВШИСЬ бессильной организовать в стране созидательную, плодотворную деятельность народа, группа Мао Цзэ-дуна стала взывать к разрушительным инстинктам молодежи, надеясь использовать ее в качестве «внегосударственной» и «внепартийной» силы для укрепления своего единовластия.

В педагогическом университете был вывешен транспарант: «Смерть бывшему парторгу Чэн Цзинь-у!».

Я разговорился со студентами.

— Долго ли он был парторгом?

— Шесть лет.

— Почему вы хотите его убить?

— Он совершал преступления против идей председателя Мао!

— Неужели он не сделал ничего хорошего? Почему вы поступаете так негуманно и бесчеловечно?

Ответом был хохот. Услышав слова о гуманности и человечности, «революционеры» смеялись. Они твердо усвоили, что это «буржуазные понятия».

— У тебя больные мозги. Нужно побольше читать сочинения председателя Мао! — весело отвечали они, и их веселость была страшнее любой серьезности.

В Пекинском университете показывали китайский фильм «Сестры по сцене». Залом служило гигантское ангарообразное помещение студенческой столовой. Сеанс проводился в целях «общественной критики»: фильм уже был осужден, и задача зрителей сводилась к тому, чтобы разносить его на собраниях за «контрреволюционную направленность». Там была такая сцена. Героиня, молодая артистка, узнает, что антрепренер выкинул на улицу старую актрису. Ее ждала безработица и нищета, и женщина покончила с собой. Артистка обвиняет хозяина:

— Это бесчеловечно! — бросает она ему в лицо.

Волна смеха пробежала по тысячному залу. Уже давно не было старого Китая, уже семнадцать лет исполнилось Китаю народному, а они смеялись, потому что им внушили: человечность — понятие буржуазное.

В МИРЕ перевернутых понятий, в царстве кривых зеркал росла эта молодежь. И выросла, прорвалась на улицы, стала ведущей силой китайского «нового порядка». Она потеряла уважение к сединам и знаниям. Недаром начиналась «культурная революция» с «сокрушения буржуазных авторитетов». Это было нужно, чтобы окончательно подорвать туманность и человечность — извечные основы китайской народной культуры, уничтожить глубоко укоренившееся в народе уважение к образованию и культуре.

И вот забили барабаны. По университету идет шествие. Людей немного, человек сорок — пятьдесят. Кругом стайками ребятишки. Впереди барабанщик, за ним человек в высоком клоунском бумажном колпаке. Голова его склонена на грудь. Это не случайность, а символ «покорности перед массами». На груди болтается позорная доска, веревка перекинута за шею осужденного. На сердце нашит типичный нагрудный знак: «контрреволюционный элемент».

— Ниже голову! — командует паренек с красной повязкой и бьет человека по шее. Приказ выполняется.

— Ори! — новая команда. Сдавленным, не похожим на человеческий голосом ряженый начинает выкрикивать написанные на нем самом ругательства:

— Я предал председателя Мао! У меня мозги протухли! Я негодяй и сволочь!..

Язык у него плохо поворачивается, особенно когда доходит до грязной похабщины. Конвоиры недовольны:

— Громче! — Его лягают ногами для вящей убедительности. Человек покорно кричит громче, голос становится истерически звонким. То и дело кто-нибудь подходит и плюет в него, демонстрируя свою преданность «культурной революции».

Я стою в толпе студентов.

— Кто он? Зачем вы так делаете? — с трудом сдерживаясь, спрашиваю я.

— Он был преподавателем на историческом факультете и выведен на позор.

— Но зачем? Зачем?

Собеседник задумывается. Ему помогают объяснить стоящие рядом, вид у них глубокомысленный.

— Опозорить таких необходимо. Он жил буржуазной наукой и буржуазными знаниями. Мы должны скомпрометировать в глазах масс знания и науку. Уничтожить авторитет — вот главная задача. Пусть все видят, куда завели его буржуазные знания. Это хороший урок для каждого!

— Раньше они ходили гордыми и не желали изучать идеи председателя Мао! И вот до чего их это довело! Пусть все видят, что ждет таких «авторитетов». Только изучение идей председателя создает человеку настоящий пролетарский авторитет!..

На самом же деле осужденный преподавал марксизм-ленинизм; просто он не желал в своих лекциях называть идеи Мао Цзэ-дуна «наивысшей наукой человечества».

В университете работала физическая лаборатория сверхнизких температур. Работа велась напряженно, газовые лампы сняли всю короткую летнюю ночь — исследования проводились круглосуточно. Но вот на дверях я читаю дацзыбао. На листе бумаги кто-то пишет, что руководитель лаборатории перегружает сотрудников заданиями специально для того, чтобы у них не оставалось времени изучать сочинения Мао Цзэ-дуна. Публичный донос с политическим обвинением.

И ученый на него ответил. Он приколол свой ответ рядом с дацзыбао. На тетрадном листке он написал примерно следующее: «Я физик, и нет науки важнее физики. Через двадцать лет мои знания станут еще нужнее, а идеи Мао Цзэ-дуна тогда уже забудут...».

С тех пор свет в лаборатории перестал загораться. Не открывалась она и днем — видно, работать было уже некому...

Итак, идеи Мао Цзэ-дуна — «глас божий», а хунвэйбины — «пророки его на земле». Сейчас они обошли и объехали всю страну. Армия раздает им свои мундиры — уже прошлой осенью пекинские хунвэйбины щеголяли в зеленой армейской форме, только на ногах — кеды, и на кепи вместо красной звезды — золотой профиль Мао Цзэ-дуна на красном фоне.

Перед моим отъездом ко мне пришел проститься член совета отряда имени маоцзэдунизма.

— Мы не считаем себя ревизионистами, — сказал я хунвэйбину в ответ на его клеветнические обвинения. — Скажите, что, по-вашему, мы должны сделать, чтобы вы нам поверили?

— Немедленно начать революционную мировую войну, — последовал ответ. — Тогда мы поверим. Только после победы в мировом масштабе можно будет думать о благосостоянии народа...

Итак, не путь сознания, а путь войны. В силу собственных рук они уже не верят, не верят, потому что клубок экономических ошибок — провал «большого скачка» и эксперимента с народными коммунами — привел к разрухе и голоду. А идти по советскому пути социалистического строительства они не желают: ведь для этого надо много учиться, много работать, уметь ждать. Они же хотят разрушать.

ФОКУСЫ В ФОКУСЕ

«МИНИ-МОТО»

ДВАДЦАТЬ пять лет занимается англичанин Альфред Табб конструированием мотоциклов. Последней его работой была машина высотой тринадцать и длиной двадцать восемь сантиметров. На этом мини-мотоцикле восемидесятидвухлетний любитель проехал четыреста метров и выиграл пари в пятьдесят фунтов стерлингов.

Главный редактор Д. Г. БОЛЬШОВ.

НАШ АДРЕС: Москва, центр, Чистые пруды, 19-а.

Звоните нам: в секретариат редакции К 7-36-22 и отделы: информации К 7-69-05; культпросветработы и профсоюзной жизни В 7-16-24 и В 7-29-09; театра К 7-91-43; музыки и эстрады К 7-14-71; изобразительного искусства В 7-18-28; кино К 7-40-16 и В 7-11-84; телевидения В 7-18-23; эстетического воспитания К 7-22-48; писем В 7-11-13; иностранный К 7-56-67 и К 7-49-71; оформления К 7-37-73; корреспондентской сети К 7-51-02.

Телефон издательства К 7-28-10; бухгалтерии К 7-97-83.

Типография газеты «Гудок». Москва, ул. Станкевича, 7. 500083. ИНДЕКС 50119 Зак. № 493.

Советское Кино

КИНОСЕТЬ страны готовит достойную встречу 50-летию Великого Октября. Рассказом о народных кинофестивалях, кинопраздниках и тематических показах фильмов, посвященных великой дате, открывается наше субботнее приложение. Здесь же опубликованы репортаж со съемок фильма «Без права быть собой» по роману В. Кожевникова «Щит и меч» и информация о показе в кинотеатре Госфильмофонда картин выдающихся советских режиссеров братьев Васильевых.

Под рубрикой «Новые фильмы» на второй и третьей страницах еженедельника опубликованы рецензии на картины «Тупиель», «Эдгар и Кристина» и «Иные времена». По просьбе читателей «Советского кино» режиссер М. Богин представляет польскую актрису Полу Раиса.

Еженедельник публикует воспоминания режиссера Л. Кулешова о первых годах жизни советского кино.

На четвертой странице приложения напечатаны интервью с М. Вертинской, информации об успехах советских фильмов за рубежом и статья французского кинокритика Марселя Мартена о кинематографе Франции сегодня.